

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Книга Вторая *Лихие и святые девяностые*

СПАСЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА

Ездил в командировку в Москву на конгресс, посвященный спасению Отечества.

В конференц-зале Парламентского центра произносили зажигательные речи о том, что линия Фронта национального спасения проходит сейчас везде, но самая горячая точка – Москва, ибо именно здесь находятся правительственные телефоны, по которым отдаются приказы о капитуляции, раздавали брошюры с проектом манифеста ФНС с картинкой из 1941 года – Родина-мать зовет! – на обложке, а в вестибюле торговали литературой высокопатриотического содержания.

Цены тоже были высокие и обжигали, обжигали маленько...

Моя 16-страничная брошюрка «Роковая ошибка Сталина», выпущенная экспресс-выпуском в издательстве «Талица», стоила три рубля.

Встретил возле прилавков Андрея Поздняева, который пожаловался, что потерял восемь миллионов в своем кооперативе.

Как человек, никогда не державший в руках больше ста тысяч, я искренне посочувствовал ему, но Андрей: – «Пустяки!» – махнул рукою и начал рассматривать книги на прилавках. Я показал ему свою «Роковую ошибку Сталина».

– Дороговато... – сказал Андрей, положив книжку назад на прилавок.

Попили кофе и пошли в зал.

Там как раз выступал генерал Альберт Макашов.

– Встаньте, кто поддерживает президента Ельцина, – сказал он и обвел зал Парламентского центра своим генеральским взглядом. – Я вижу на ногах только работников телевидения и часть прессы. Это они и поддерживают Ельцина. А кто против?!

Тут поднялся весь зал.
 – Мы едины! – провозгласил Макашов.
 Андрей расчувствованно посмотрел на меня и со словами «Я вернусь сейчас!» вышел из зала.
 Действительно, скоро он вернулся с моей брошюрой в руке.
 – Подпиши, пожалуйста...
 «Андрею! – растроганно написал я. – Старому однофронтовцу!»
 О, как растроган был Андрей!

24 октября 1992 года, Санкт-Петербург

ГРИБНАЯ ПОРА

Новые издательства плодятся теперь в Москве как грибы.

В Московской писательской организации обособился «Евророс».

Долго беседовал с его директором Славой Байбаковым. Хотя разговор и прерывался телефонными переговорами, но на моих издательских перспективах эти переговоры отразились самым благоприятным образом.

Показав сборник Анатолия Передреева, открывающий серию «День русской поэзии», Слава предложил мне составить такой же из стихов Николая Рубцова.

Я, разумеется, согласился, и тут же был подписан договор, и даже аванс мне выплатили.

С этим авансом и спустился я этажом ниже, где расположилось издательство «Талицы».

Там попил чаю с Евгением Черновым и Геннадием Фроловым.

Потом приехал владелец издательства Василий Тишков, привез бухгалтера и деньги.

И тут какие-то деньги мне перепали, поскольку по совету Чернова я успел написать до приезда Тишкова заявление о приеме меня на работу.

День закончился в издательстве «Палея».

Получив остаток денег за книжку про Игоря Смирнова, я узнал, что конъюнктура изменилась и издавать мою книжку Мишин не будет.

Однако рукопись он тоже отказался вернуть, поскольку расплатился за нее. Такой вот капитализм с советским уклоном.

В Питер возвращался на каком-то диком поезде. Всю ночь кричали пьяные, хлопали дверями.

25 октября 1992 года, Санкт-Петербург

ПРОТИВОПОЖАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В «Народной правде» долгий разговор с Виктором Георгиевичем Долговым и его заместителем Михаилом Васильевичем Поповым о конгрессе Фронта национального спасения, избравшего председателями Михаила Астафьева и Сергея

Бабурина, Геннадия Зюганова и Илью Константинова, генерала Альберта Макашова и Николая Павлова...

Не зря основная мысль речей, прозвучавших на конгрессе, сводилась к призыву прекратить разногласия.

– Когда горит дом, не время обсуждать будущее, – процитировал я запомнившиеся слова. – Надо заливать огонь.

– Но водой надо заливать... – резонно заметил Попов. – А не бензином!

С этим трудно было спорить.

Это уже и не идеология, а просто противопожарная безопасность...

28 октября 1992 года, Санкт-Петербург

ПЕСНЯ

В нашем Доме писателя имени В. Маяковского проходил вечер памяти – сто пятьдесят лет со дня кончины Алексея Кольцова.

Пригласили из Москвы Вадима Валериановича Кожина. Он приехал с женой, Еленой Владимировной.

Выступил, рассказал о Кольцове, поговорил о русской поэзии и русской истории, а потом организаторы вечера куда-то исчезли, даже покормить гостей не подумали, и я повел Вадима Валериановича и Елену Владимировну к себе.

Вечер у меня на квартире удался, пожалуй, еще лучше, чем в Доме писателя.

Мы немного выпили, и Вадим Валерианович взял в руки гитару.

Поскольку за столом много говорилось о Рубцове, Вадим Валерианович решил показать, как пел сам Рубцов. Пение свое он сопровождал комментариями, и получалось, что, перебирая струны гитары, он просто думает вслух...

Стихами Рубцова дело не ограничилось.

– А это кто? – спросил Кожин и запел:

*Это песня не нашего края,
 И пластинки нигде не достать.
 Эта песня такая глухая,
 Даже слов невозможно понять...*

Эти стихи Юрия Кузнецова уже неоднократно печатались в его сборниках, но когда присутствовавший на застолье поэт Геннадий Морозов воскликнул: «Это Юра Кузнецов!» – Вадим Валерианович искренне обрадовался, что в Санкт-Петербурге знают московского поэта.

И спел еще одно стихотворение Ю.П. Кузнецова:

*За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь...*

*Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твое гордое имя пустил...*

Голос Вадима Валериановича звучал глуховато, с хрипотцой, но как-то очень точно попадая в мелодику, что казалось, будто слова стихотворения именно сейчас и рождаются...

*Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
– Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.*

*Я глядел на тебя не мигая.
– Ты продрогла... – и выпить велел.
– Я дрожу оттого, что нагая,
Но такую ты видеть хотел.*

*– Бог с тобой! – и махнул я рукою
На неполную радость свою. –
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю...*

И потом, когда уже ушли Кожиновы, я все еще повторял:

*Ничего не сказала на это –
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня...*

– и повторял это с кожиновской интонацией, и иначе и не мог повторить, словно известное мне и ранее стихотворение Юрия Кузнецова превратилось в слова песни и возвращаться назад, из песни, не хотело...

29 октября 1992 года, Санкт-Петербург

ДЕНЬ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Вчерашнее число объявлено Днем жертв политических репрессий.

Видимо, чтобы закрепить за 30 октября этот высокий статус, Борис Николаевич Ельцин подписал вчера указ о роспуске Фронта национального спасения, конгресс которого неделю назад прошел в Парламентском центре.

31 октября 1992 года, Санкт-Петербург

БРЯНСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Всю дорогу я думал, что в Тамбове у меня знакомый есть, Волков. Или если иначе – тамбовский волк... А в Брянске, где шумел сурово брянский лес? Здесь партизаны были, и еще рельс, на котором Борис Николаевич Ельцин обещал задавиться, если цены вырастут.

Интересно, берегут этот рельс в Брянске или нет? В Брянск поезд пришел еще в темноте.

И не видел я в темноте ни знаменитых брянских оврагов, ни памятника партизанам, ни рельса, только темнота одна вокруг была...

Из этой темноты и вышел мой однокурсник Коля Поснов, руководитель брянской писательской организации.

Днем приезжал брать интервью для местной газеты Евгений Потупов.

В начале интервью он рассказывал мне, как читал на Вологодчине мою книгу о Николае Рубцове, потом стал рассказывать, что в пионерском лагере влюбился сразу и в двадцатилетнюю воспитательницу, и в 13-летнюю девочку.

Этот бунинский сюжет и завершил его интервью со мною.

11 ноября 1992 года, Брянск

ЧЕГО ЖЕ ОТ ТАКИХ ЛЮДЕЙ ОЖИДАТЬ?

«– Ну, а у нас, – говорю, – верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, нам будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела.

– А если таковая, – говорит, – ваша образованная невежественность, так отчего же, в которых любовь к родному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего природного художества?

– Некем, – отвечаю, – нам его, милостивый государь, поддерживать, потому что в новых школах художества повсеместное растление чувства развито и суете ум повинуется. Высокого вдохновения тип утрачен, а все с земного вемлется и земною страстию дышит. Наши новейшие художники начали с того, что архистратига Михаила с князя Потемкина Таврического стали изображать, а теперь уже того достигают, что Христа Спаса жидовином пишут. Чего же еще от таких людей ожидать?»

Н. С. Лесков. «Запечатленный ангел»

Этот разговор из прекрасной и мудрой русской книги не раз вспоминался мне в поездке по западным, опаленным чернобыльским пожаром районам Брянской области... Ведь именно сюда, в Клинцы, в Злынку, предстояло отправиться героям «Запечатленного ангела» на поиски подходящего «изографа».

Впрочем, совпадала не только география.

Недоуменное: «Чего же еще от таких людей ожидать?» – слышалось здесь и в разговорах местных жителей, дышало в самом пейзаже пропитанной радиацией округи.

Операторы, которые в тот памятный Первомай 1986 года, сбрасывая с самолетов корзины с йодом, осаживали радиоактивные облака над мирными поселками и городами, едва ли задумывались о судьбе людей, на чьи головы падет смертоносный йодистый дождь. И человек, отдавший приказ остановиться перед Москвой радиоактивные тучи, тоже не задумывался о здешних жителях. Рассуждая, что лучше: пожертвовать тысячами брянских обитателей и тем самым отвести беду от миллионов москвичей, он руководствовался той нехитрой логикой, которая как бы и не вызывает сомнения, пока не сталкиваешься с людьми, которыми пожертвовали при этом.

Во время своей поездки я слышал десятки рассказов о том майском дне, и ни один из них не был похож на другой.

Например, шоферу из Красной Горы запомнилось, как собирала четырехлетняя дочурка – она умерла через год от обыкновенной простуды! – желтые цветы после того дождя...

А редактору новозыбинской газеты те тучи напомнили детство, когда он выгнал на пастбище коров и вдруг началось солнечное затмение.

– Тогда я пригнал коров назад в село... – рассказывал он. – Почему, спрашиваю, сегодня вечером начался? А в тот день тоже было так. Я подумал, что тоже солнечное затмение. Только удивился, что ничего не слышал про него.

Ну, а тракторист из Яловки запомнил этот день появившимся в сигаретах металлическим привкусом...

Их было много, этих страшных дней.

Ровно столько, сколько жило здесь людей. И каждый из них понимал, а если не понимал, то чувствовал, что радиоактивные тучи должны были пройти мимо. И тогда жива была бы девочка, собиравшая желтые цветы, и ты сам не мучился бы от бесчисленных болезней, привязавшихся в тот день... И та земля, где ты родился и вырос, не превратилась бы в зону.

Есть разные несчастья.

Как ни страшны наводнения или землетрясения, но с ними человеческая душа примиряется так же, как и с неизбежностью смерти. Ведь эти бедствия вызываются силами, не подвластными человеку.

Это судьба... Рок...

Ну а тут ведь не Господь Бог, а московский начальник – тогда вся власть была в руках Михаила

Сергеевича Горбачева – приказал обрушить радиоактивные тучи на головы ни в чем не повинных, даже не предупрежденных об опасности людей.

Я не собираюсь здесь множить перечень преступлений, совершенных нашим «лучшим немцем».

Речь о другом. Во всей истории брянского Чернобыля четко прослеживается отношение наших правителей, озабоченных строительством общеевропейского и прочих заграничных домов, к своему народу.

Получилось, что на Украине в зону жесткого радиационного контроля попало 50 000 человек, в Белоруссии – 110 000, в России – 112 000.

И понятно, что цифры эти ошеломили Горбачева, и тогда-то по традиции, установленной еще в семнадцатом году, решено было вычеркнуть сто двенадцать тысяч россиян из списка пострадавших. Первые годы, когда радиоактивность была особенно высока, на Брянщине ни про радиоактивность, ни про меры защиты от нее даже и говорить не полагалось.

Завесу молчания удалось прорвать только благодаря очеркам и статьям собственного корреспондента ТАСС по Брянской области Юрия Евгеньевича Лодкина. Это в его корреспонденция впервые прорвалась чернобыльская боль России. Кстати, именно тогда жители села Заборье выдвинули Лодкина своим кандидатом в депутаты. Вскоре он отправился на Первый съезд с письмом, под которым стояло 70 000 подписей.

«В Белоруссии и на Украине чернобыльская беда воспринята как республиканское бедствие. О российской же зоне Чернобыля сегодня знают далеко не все даже и в РСФСР. Горько сознавать это, но мы стали свидетелями явления, которое можно назвать «российским синдромом», в этом понятии сошлись воедино безграничное терпение русских людей и безразличное отношение правительства республики к их самым острым нуждам», – было написано там.

И так получилось, что обращение чернобыльцев пришлось ко времени – демократы тогда выставляли счет партаппарату.

В пику М.С. Горбачеву Первый съезд официально признал Брянщину зоной, опасной для проживания, и создал комитет по радиационной безопасности, который и должен был разработать пакет чернобыльских законов.

И, казалось бы, – нам всем тогда казалось это! – удалось наконец-то преодолеть «российский синдром», но – увы! – «демократам» ельцинского разлива страдания русского народа были столь же безразличны, как и горбачевскому Политбюро. Едва только отыграли чернобыльскую карту,

записные демократы позабыли о жителях загрязненных районов.

– Я спрашивал потом у них: почему они так голосовали? – рассказывал Юрий Евгеньевич Лодкин. – Неужели вы не понимаете, что вся программа так и осталась на бумаге и для живых людей ничего не сделано? Мне отвечали, что, дескать, сейчас отрицательная оценка правительства может сыграть на руку врагам демократии...

Слушая этот рассказ, я снова вспоминал слова лесковского героя: «Чего же еще от таких людей ожидать?» – и думал о том, что установленная в нашей стране демократия и не может иметь никакого отношения к русскому человеку, потому что не для него она и устанавливалась этими людьми...

И это тоже «русский синдром».

12 ноября 1992 года, Брянск

РАЗГОВОРЫ

Вдоль дороги из Брянска в чернобыльские районы – города и села, сами имена которых словно бы рождены в древнем шорохе летописных страниц: Почеп, Унечна, Клинцы... Чуть в стороне от дороги остаются: Трубчевск, Стародуб, Сураж...

За окном автобуса – чуть всхолмленная даль полей, размытые серовой дымкой перелески...

Исконная, корневая Россия.

И автобус – львовский, с разболтанными, дребезжащими дверками – обычный.

И разговоры пассажиров тоже обычные.

Разговаривали, как и везде, о ценах, которые растут и растут, а в магазинах все равно полупустые полки и даже хлеба не всегда удается купить... Еще пожилая женщина рассказывала соседке про своего сына, который учится в заграничном городе Гомеле, и теперь неизвестно, как и помочь – посылки на почте за границу не принимают. А сзади – разговор о новой усадьбе, в которую надо перебраться, да только как переедешь туда, если там ни сарайки для поросенка, ни выгона для скота нет.

– Ходи потым кругом хаты с теленком... Хай бы вначале сделали все адны да адного...

И только порою в этих обычных разговорах мелькали непривычные слова:

– Цезия-то накоплено есть...

– Корову прямо на этих кюри пасем, какое молоко будет?

Эти слова одни только и напоминали, по какой земле едет автобус. И звучали эти страшные слова: «МАГАТЭ», «цезий», «бэры» – так же привычно, как «продмаг», «деревня», «корова», обозначая хотя и невидимую, но уже сделавшуюся привычной для местных жителей реальность.

Но еще страшнее было, что только в этих непри-

вычных для нездешнего уха словах и ощущалась специфика. Все остальное было таким же, как повсюду в России...

Высились вдоль дороги у въезда в Клинцы метровые буквы: «Демократия – это не только право, это обязанность и дисциплина»...

На тонущей в грязи автостанции стояли разбитые автобусы...

Толпился народ возле продавцов сигарет и водки...

И безысходная нищета, запустение, забытость вокруг были такие же, как по всей России.

13 ноября 1992 года, Клинцы

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА

Насмешкой звучали в этой местности слова начальника, с которым я разговаривал перед отъездом.

Владимир Иванович Дериглазов, начальник управления «Гос.Чернобыль» долго рассказывал мне и о комплексе иждивенчества, возникшем на зараженных территориях, и о радиофобии.

– Семьдесят процентов дозы облучения уже получено местным населением еще в 1986 году! А теперь? Ну вы посчитайте сами. Средний возраст жителей загрязненных территорий сорок один год. По статистике, в сельской местности мужчины в среднем живут до сорока девяти... Так сколько же радиации человек соберет за восемь лет? Ничтожно мало по сравнению с той, которую он уже набрал! Такая вот арифметика получается.

– Но ведь все равно что-то надо делать... – сказал я, оглушенный этой арифметикой.

– Конечно! – с жаром соглашался Владимир Иванович. – Надо создавать условия для проживания и работы людей в зоне жесткого радиационного контроля.

– Вот в Белоруссии, например, – подсказал я, – еще в 1989 году налажено производство герметических тракторных кабин для работы в загрязненной зоне, а у вас?

– У нас тоже с кабинами все нормально... – заверил меня Дериглазов. – В будущем году такие кабины появятся. Они уже разработаны Орловским институтом и скоро будут запущены в производство. На Брянскую область только в этом году выделено 16 миллиардов рублей для ликвидации последствий аварии. Каждый десятый рубль из общих государственных капитальных вложений тратится здесь!

В принципе, Владимир Иванович был прав. Жить и работать на загрязненных территориях можно.

Но ведь даже и МАГАТЭ, давая «добро», ориентировалось на среднеевропейский уровень жизни:

на асфальтовые дороги, на водопровод, на центральное отопление в каждом доме, на то, что во всех квартирах будет душ, под которым можно смыть после работы радиоактивную пыль, на бесперебойное снабжение этих поселков экологически чистыми продуктами...

И не так уж и нереально было создание таких условий. Ведь 16 миллиардов на год, каждый десятый рубль из общих государственных капвложений, – немало для этих районов...

Но не зря – «Демократия – это... обязанность!» – возвещали метровые буквы на въезде в Клинцы. Увы, практически все миллиарды осели неведомо где, так и не попав на зараженные территории.

«Их пожирают, – писала газета «Рабочая трибуна», – как грибы после дождя многочисленно плодящиеся бюрократические ведомства. Греют на этом руки новые коммерческие структуры, околонучные центры, львиная доля расходов «заморожена», разворована, расхищена, но так и не дошла ни до Старого Вышкова, ни до других терпящих бедствие населенных пунктов».

Какие там герметические кабины, если даже рейсовые автобусы собирают в сухие дни в свои салоны всю радиоактивную придорожную пыль?

Какой душ, если даже в гостинице нет его?

Какие экологически чистые продукты, если и хлеб-то в магазины поступает с перебоями?

Какой контроль за радиоактивностью продуктов, если молоко, чтобы проверить его, приходится возить в райцентр?

В Красной Горе, куда к вечеру я все-таки добрался, разговоры о среднеевропейском стандарте жизни выглядели откровенной насмешкой.

Я высадился на центральной площади.

Весь день таяло, и край площади с невысокими двухэтажными зданиями терялся в сероватой дымке. Сама же площадь была залита натаявшей водой. Из нее торчали черные деревья и памятник Ленину. Напротив памятника, соображая, как перебраться через лужу, стоял мальчишка с ранцем за плечами, и на его буденовке, над растерянным и каким-то болезненно-бледным лицом ярко горел крестик...

Наверное, такое же растерянное выражение было и у меня на лице, потому что администраторша в гостинице участливо спросила:

– Устали с дороги?

– Нет... – ответил я и честно признался, что, конечно, видел в жизни всякое, но такого, когда без следа исчезает шестнадцать миллиардов... Такой арифметики я не проходил...

Видимо, тема шестнадцати миллиардов волновала и персонал гостиницы.

Женщина оглянулась по сторонам, а потом, понизив голос, сказала, что, по слухам, эти черномыльские миллиарды перекачиваются в Горбачевский фонд. Слышали про такой?

Что тут можно было сказать?

Я криво улыбнулся и поднялся к себе в номер и только там неожиданно сообразил, что какая-то, пусть и абсурдная, но все-таки логика в этом рассуждении есть. Она напрямую вытекает из законов нашей «демократической арифметики»...

Наш «лучший немец», обрекший народы своей страны на братоубийственные войны и оглушительную нищету, коротает теперь время на фешенебельных курортах Европы и Америки, попавшая там драгоценное для мирового сообщества здоровье.

За что же, если не за страдания и унижения, на которые он обрёл свою страну, и оплачивают ему заграничные вояжи и курорты?

15 ноября 1992 года, Красная Гора

УКРЕПЛЕНИЕ СЕРДЕЧНОЙ МЫШЦЫ

В кабинете заместителя редактора районной газеты «Ленинский путь» Леонида Моргача было тесно. Набились в комнату не только сотрудники газеты, но и заглянувшие на огонек красногорцы. Все курили махорку, и синеватый дым пластами висел над столами.

– Вчера Бабурина по телевизору показывали, – рассказывал какой-то мужчина. – Так я и Марианну тую глядеть не стал, его слушал...

Еще: из рук в руки передавали свежий номер «Правды», и вся эта картина казалась какой-то массовой из кинофильма о гражданской войне.

Хозяин кабинета в это время безостановочно крутил диск телефона, пытаясь раздобыть бензина, чтобы подскочить со мной в расселенные деревни, но – увы! – бензина в Красной Горе ни у кого не было.

Не было в редакции, не было в гороно, не было в милиции, где сами ломали голову, как им отвезти в тюрьму задержанного преступника.

Не было бензина и у администрации района – даже за пенсиями вчера отправляли КраЗ – солярки-то пока еще есть немного...

Не было бензина, чтобы завтра привезти хлеб...

Эти подробности Леонид Моргач сообщал, накручивая диск телефона.

– Пешком надо ходить, – нравоучительно заметил мужчина, променявший Марианну на Сергея Бабурина. – Пешая ходьба укрепляет сердечную мышцу!

– А может, на «скорой помощи» есть бензин?

- Откуда... Они и по вызовам не ездят!
- А к сердечникам?!
- Так какие сердечники у нас, если мы давно пешей ходьбой укрепляем сердечную мышцу.
- Выздоровели, значит?
- А как же... При новой жизни простому народу не полагается болеть...

16 ноября 1992 года, Красная Гора

СОЦИАЛИСТ

Сейчас наступает отрезвление.

Скомпрометированные либеральной прессой, этим оплотом нынешней демократии, идеалы равенства и социальной защищенности граждан обретают изначальную привлекательность. И не потому ли едкий дым самокруток, и номер «Правды», который передавали из рук в руки мужики в редакции «Ленинского пути», как-то удивительно напоминал кадры из фильма о жизни в предреволюционной России.

И стихи, которые читал Леонид Моргач, тоже как будто оттуда, из тех дореволюционных лет:

*Чернобылем побитая,
Правительством забытая,
Российская окраина –
Кто вспомнит о тебе?*

*Где папка та закрытая,
Секретами набитая,
Что крест навек поставила
На всей нашей судьбе? –*

Кроме того, что Леонид Моргач работает в редакции газеты, он еще и депутат Облсовета.

– Ну, який он депутат? – запротестовал присутствовавший при разговоре Иван Михайлович Степаниденко. – Чего он для себя сделал, как депутатом стал? У него же ничего нема. Так и живет в бараке...

Ирония Ивана Михайловича справедлива. Благодаря демократам в депутатском корпусе скомпрометирован сам институт Советов и вместе с ним и сами принципы подлинной демократии.

Впрочем, как говорил герой Николая Семеновича Лескова: «Чего же еще от таких людей ожидать?». Работая в застойном политпросвете, наши гайдары компрометировали идеи социального равенства, а когда подались в «демократы», они по привычке скомпрометировали и все демократические институты! Тем более что демократические свободы, кроме, пожалуй, проблемы свободного въезда и выезда, интересовали их столь же мало, как раньше – идеалы социалистические.

Кажется, теперь уже невозможно спасти социалистическую идеологию, но вот преданные своими генеральными секретарями и членами Политбюро, запрещенные и ишхельмованные вчерашние коммунисты собираются в разные партии и партийки в больших и малых городах. И в самом слове «социалист» снова возрождается изначальный, утерянный в хрущевско-брежневско-горбачевские десятилетия смысл...

– Нынешние правители на нашей беде поднялись, – говорит Леонид Моргач, – они же нашей бедой народ купили, а что сделали? Ничего...

И в подтверждение вытаскивает целую пачку копий писем, телеграмм, которые были посланы из Красной Горы в Москву и на которые ни президент, ни его помощники даже не сочли нужным откликнуться.

– А сейчас стало еще хуже...

Я слушал Леонида и думал, что социалистом его сделали «демократы». Он пришел в КПСС, когда прежние вожди и идеологи покидали партию, и депутатская, и социалистическая деятельность его – это попытка найти ответы на мучительные, неразрешимые вопросы русской жизни, попытка преодолеть безнадежность «российского синдрома». Попытка, пусть и беспомощная сейчас, но чистая, не замутненная расчетом. Так неужели снова смогут замутить эту чистоту люди, от которых России нечего ждать добра, для которых «будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела»?

17 ноября 1992 года, Красная Гора

ВОЗВРАЩЕНЦЫ

В «Ленинском пути» я и познакомился с Иваном Михайловичем Степаниденко.

Он – возвращенец.

Возвращенцы – это жители Брянщины, уехавшие из загрязненных районов, но теперь они возвращаются в зону радиоактивного заражения, в городки и села, где их родные дома зачастую оказываются занятыми чужими людьми. Возвращаются семьями, с детьми...

Возвращались и раньше, но в этом году возвращение приобрело массовый характер и чем-то похоже на эпидемию. Сначала снимается с нового места одна семья, за нею другая, третья. И если из Брянщины эвакуировались сообща, организованно, то назад возвращаются каждый сам по себе, кто как может, но возвращаются все.

Объяснения самые разные...

Одни жалуются, что на новом месте картошка плохо растёт, другие, что скота держать негде, третьи просто не могли прижиться на новом месте

– детей дразнят в школе ёжиками или светлячками, сажают, чтобы не заразиться радиацией, за отдельные парты.

Жаловались и на то, что парню или девушке очень трудно выйти замуж за местного... И опять-таки причиной тому всё та же радиобоязнь.

Проблемы адаптации переселенцев, разумеется, существуют, но всё же главная причина, подтолкнувшая к возвращению, сугубо материальная. Проживающим в загрязнённых районах по новому закону выплачивают дополнительные минимальные оклады, и не потому ли за разговорами о низких урожаях и неудобных подворьях сквозил зябкий ветерок нищеты, слышалось зловещее, как у болотной нежити, гайдаровское чмокание?

Вот и Иван Михайлович Степаниденко – крепкий, сильный мужик – вернулся в Любовшу, где хотя и почище, но всё равно радиоактивное загрязнение осталось и от него и у тебя, и у твоих детей ни здоровья, ни дней жизни, конечно же, не прибавится.

Хорошо оплачиваемая, обслуживающая Ельцина демпресса с восторгом пишет сейчас, что растёт активность населения в поиске всё новых заработков. Возвращение в зону радиоактивного заражения – тоже одно из проявлений этой активности.

Такая теперь в России жизнь, что уже и радиация многим кажется не страшной. Ограбленный, замордованный экономистами в «розовых штанишках» народ начинает смиряться с самыми бесчеловечными условиями жизни.

– Куда ехать-то? – говорила мне пожилая женщина в Яловке. – Говорят, там ещё хуже радиации...

– Точно! – вторила другая. – Я и тут боюсь без работы остаться, а там кто возьмёт?

Какая-то страшная, жутковатая безнадёжность и усталость звучали в этих словах. И это при том, что сам по себе принятый Верховным Советом закон о компенсациях был и необходимым, и обдуманым. Только чем же обернулась на деле эта гуманность?

И неужели – ведь экономически это было бы даже и выгодней – нельзя было распространить его на всех переселенцев, чтобы они хотя бы не стремились вернуться назад? Неужели нельзя было предусмотреть для них каких-то льгот?

– Какие там льготы? – ответил Иван Михайлович Степаниденко. – Нас в первый же год ещё и налогами обложили... А-а! Знаете, сказка такая есть: у отца три сына было, двое умных, а третий – футболист. Ну а у нас всё правительство в футбол играет!

22 ноября 1992 года, Красная Гора

ПЕСНИ УМЕРШИХ ДЕРЕВЕНЬ

Красная Гора и Любовша хотя и стоят в самом центре зоны жесткого радиационного контроля, но все-таки живут, расселять их никто не собирается...

Другое дело – села в глубине района.

Готовится к расселению Яловка, уже полурасселено Заборье, полностью обезлюдели поселки Лесной и Буковец...

Как будто в жутковатом сне, идешь по улице.

Дома здесь крепкие, даже заборы не покосились, не заросли кустарником огороды – но нет ни людей, ни животных, не залает собака, даже птицы и те не летают, и только на дальнем конце посёлка стучит оторванной доской ветер да еще всхлипывают сквозняки в глубине домов...

И кажется, что это и плачет в опустевших домах то горе, про которое поётся в песне, сложенной колхозницей Ниной Федоровной Долгой:

*В чем мы пригрелись,
Чем мы виноваты?
Налетело горе
На людей, на хаты...*

В Каменце многие каменные здания полуразобраны, а кирпичи с затаившейся в них радиацией проданы (как тут – чмок-чмок! – не вспомнить похвалы Гайдара по поводу предприимчивого народа) где-то далеко от Брянщины...

Ну а в Лесном, чтобы увидеть горе воочию, нужно войти в дом. Все дома открыты. Или хозяева оставили их так, или предприимчивые люди, что орудовали тут после них.

Страшна изба с печью и со снятыми полами. Белеет печка посреди темного пространства, греется на ней невидимое Лихо...

И в одном доме так, и в другом, и так до конца улицы – полы везде сняты, и где объявятся эти кирпичи, эти доски – неведомо никому, но ясно, что где-то по этим пропитанным радиацией доскам – чмок-чмок – бегают не подозревающие о радиации дети.

Радиация расползается по стране.

И вот как бы и бесполезной оказывается та жертва, которую принесла Брянщина, спасая страну. И не потому ли так страшно звучат песни, которые когда-то пели здесь:

*– Ой, Дуня, ты, Дуня,
Да чего тебе хочется?
Или меду, или сахару,
Или сахарного яблочка,
Или попя-духовичка,
Или дьячка-церковничка?
– Государь мой, батюшка,*

*Ничего мне не хочется...
Приведи мне, батюшка,
Ликсея-скрипачея
Аль Ванюшку-дудочея.
А может, мне поможется,
Поскакать захочется...*

Брянщина – это сердце России.

Не той России, которая называется Российской Федерацией и границы которой начертил на карте Владимир Ильич Ленин, а Ельцин, Кравчук и Шушкевич закрепили их уже на международном правовом уровне в Беловежской Пуще, а другой, которая зарождалась в Киеве, которая возрождалась после татарского нашествия в Московском государстве, той России, за которую умирали русские, украинцы и белорусы и на Куликовом, и на Бородинском полях, и в степях под Сталинградом...

Эти районы Брянщины входили раньше в Черниговскую губернию, потом – в Гомельскую... Те земли тоже были в своё время Брянщиной. Теперь с этими областями они разделены государственной границей.

И что-то зловеще-символическое есть в том, что эти противоестественные границы между Россией, Украиной и Белоруссией сомкнулись в самой загрязнённой чернобыльским пожаром местности. Кажется, что из радиации, пропитавшей эту древнюю русскую землю, и возникли они, впились клешнями, как метастазы страшной, поразившей нашу державу болезни.

Границы эти еще не оцеплены колючей проволокой, но едешь из Красной Горы в Новозыбков, и вдруг посреди шоссе – бетонные блоки, вагончики, здесь – в Старых Бобовичах – таможня...

И пусть и не похоже это на настоящую границу, но всё равно – граница, и дальше – и страна другая, и рубли не рубли, и распавшиеся хозяйственные связи, там родные люди – братья, матери, сыновья, сестры, которые все теперь для тебя – иностранцы.

И какой-то новый, особый смысл почудился мне в словах старинной песни, услышанной в полурасселенном – 111 юри по Цезию! – селе Заборье:

*– Ой, жалоба, моя матушка, на тебе,
Что выдаешь мне молоду на чужбинку,
Я в чужбинке ничегошеньки не знаю...
– Ой, я тебе, моя дитятко, повчаю:
А будешь идить по водицу в скрыльницу,
А будет стоять старых старух карагван,
А ты мимо иди да пониже им поклонись.
А люди скажут: «Вумная дитятко,
Разумной матушки. И вумнаго батюшки»...*

Белорусские, украинские, русские слова смешаны в этой песне, как кровь, они неразделимы в том особом брянском говоре, что существовал всегда в этой местности, где, как говорят, даже крик петуха сразу и на Украине, и в России, и в Белоруссии слышно...

Но и по этим песням тоже прошла граница, как прошла она и по здешним семьям, и не оттого ли и чудится в старинной песне новый затаенный смысл...

24 ноября 1992 года, Новозыбков

«БЛАГОДАРНОСТЬ»

Вернулся из командировки в Санкт-Петербург.

Дома письмо из редакции «Невы»:

«Дорогой Николай Михайлович! Пользуюсь случаем, чтобы сердечно поблагодарить Вас за Ваше долголетнее и плодотворное участие в работе редколлегии «Невы». Мы хорошо помним и ценим, что Вы были с нами тогда, когда журнал переживал тяжелые времена, подвергался гонениям цензуры, вынужден был, в том числе с Вашей помощью, отстаивать права, которые сегодня уже кажутся элементарными. И в тех достижениях журнала, в той популярности его у читателей, которой ознаменовались первые годы перестройки, есть и Ваша немалая заслуга.

Но теперь ситуация резко изменилась, идеологический пресс заменился прессом финансово-экономическим, грозящим удушить журнал. В этих условиях принципы работы журнала вынужденно меняются и работа редколлегии в том виде, в каком она существовала, практически теряет свой реальный смысл.

Мы еще раз благодарим Вас за то, что Вы сделали для журнала, и очень надеемся на Ваше авторское сотрудничество на страницах «Невы».

С глубоким уважением
главный редактор Б.Н. Никольский».

Такая вот благодарность.

В кавычках, конечно...

26 ноября 1992 года, Санкт-Петербург

ПОЛТОРАНИНЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Закончился мексиканский телесериал «Богатые тоже плачут». Россияне, занятые переживаниями Луиса Альберта и его жен, не заметили, что живут уже в другой стране, при другом общественном строе.

Но, видно, рано сняли страну с сериальной иглы.

Слишком рано еще над своими проблемами задумываться...

Борис Николаевич Ельцин тут же издал указы об отставке заместителя председателя прави-

тельства Российской Федерации, министра информации Михаила Никифоровича Полторанина и директора телекомпании «Останкино» Егора Владимировича Яковлева.

29 ноября 1992 года, Санкт-Петербург

ШЕПНУЛА И ПОСМОТРЕЛА НА ДВЕРЬ

– Ты прав, прав, прав... – быстро шепнула Надя и посмотрела на дверь: не услышали ли там, в комнате, что она сказала...

А дело было так...

Я пришёл в гости и здесь познакомился с симпатичными молодыми женщинами из Кишинёва. Обе они – инженеры. Надя – русская, а Виорика – молдаванка.

Как-то так получилось, что разговор зашёл о приднестровской войне, о том, что привело к войне...

Я слушал, как хвалят подружки кишинёвские порядки, как дружно ругают приднестровцев, из-за которых, как они объясняли, и началось всё, и только головой качал. В Приднестровье я видел и слышал совсем другое.

Потом я вышел в коридор покурить, и следом за мной, прикрыв дверь в комнату, выскользнула Надя.

В руках у нее была сигарета.

Я зажёл огонек зажигалки и, не желая портить себе вечер, примирительно сказал, дескать, хорошо, что хоть кто-то из русских в Кишиневе не чувствует себя ущемлённым...

– Нет! Ты прав, ты все правильно говорил... – быстро прошептала в ответ Надя и сразу оглянулась на дверь в комнату.

Видно было, что Надя отчаянно трусит, что Виорика услышит ее.

Горьким стал дым недокуренной сигареты.

Что Надя?! Ну, покривила душой, когда хвалила кишинёвские власти... В конце концов, у неё семья в Кишинёве, работа, которую она боится потерять...

Ужасно было другое. Вернувшись в комнату, я посмотрел на Виорику – красивую молодую женщину с мечтательно-грустными глазами, и так и не сумел уместить в голове, что её можно бояться.

Не совмещались страх и эта юная женщина!

В Виорику можно было влюбиться, можно было дарить ей цветы и посвящать стихи... Для этого, а не для того, чтобы внушать страх, и появилась она на свет, но другую судьбу избрали для неё руководители Народного фронта.

И всё ещё звучал в ушах торопливый Надин шёпот, всё ещё стояло в глазах испуганное движение, когда, прошептав, Надя быстро оглянулась на закрытую в комнату дверь...

И что тут сделаешь, что скажешь, если в это испуганное движение и вместились к зиме 1992 года все права и свободы для Нади!

И об этом тоже позаботился Народный фронт...

9 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

КРЕМЛЕВСКИЕ МАНЁВРЫ

В нынешнем веке у нас в стране столько произошло революций и переворотов, что можно установить определенную закономерность. И нынешние события, кажется, как раз для того, чтобы проверить эти закономерности.

Установлено, к примеру, что после переворота всегда происходит консолидация противников переворота и одновременно начинается раскол в рядах победителей...

И вот, пожалуйста...

На VII съезде народных депутатов России состоялось голосование по утверждению Гайдара на пост главы правительства. «За» проголосовали 467 депутатов, «против» – 486. Кандидатура Егора Тимуровича не прошла!

Вчера проснулся – жена включила приемник – от громовых раскатов ельцинского голоса.

Не продолжая прений с депутатами, он предложил своим сторонникам покинуть зал заседаний. Зал заседаний покинули: Ю. Афанасьев, В. Вайнштейн, Д. Волгогонов, Ю. Герольд, Л. Гуревич, Е. Журавель, Б. Золотухин, В. Клювгант, К. Руппель, Г. Якунин и другие ельцинята. Однако лишить съезд кворума не удалось. В зале заседаний осталось достаточное для продолжения работы число депутатов.

И тогда Ельцин – ну прямо Владимир Ильич Ленин или Лев Давидович Троцкий – поехал на завод, на митинг. Правда, в отличие от Троцкого, свое выступление на заводе он читал по бумажке.

Но зато рабочие, которые выступали, не подвели – словно из фильмов про Ленина, говорили о спекулянтах, которых надо прижать, кричали, что такая реформа народу не нужна...

Ельцин надувал щеки и молчал...

А Руцкой и депутаты на съезде ожили, подтянулись, как тогда, в августе!

Но – это тоже закон! – не побеждают у нас в стране контрреволюции...

В ходе переговоров президента с Русланом Хасбулатовым и председателем Конституционного суда В.Д. Зорькиным было достигнуто соглашение, по которому отзывались принятые поправки к Конституции, которые защищали съезд и ограничивали полномочия президента.

И вот сегодня включил телевизор, а там и Руц-

кой, и депутаты сидят понуро, словно из них пар выпустили...

Как шарики, которые надули, а потом проткнули.

11 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

РЫНОК ИЛИ БАЗАР

На усмиреном, «сдутом» съезде депутатов Б.Н. Ельцин снова выдвинул на пост главы правительства Е.Т. Гайдара.

Но, видно, не до конца «сдулись» депутаты. Снова Гайдар провалился. Итоги мягкого рейтингового голосования были такими: Юрий Владимирович Скоков – 637 голосов «за»; Виктор Степанович Черномырдин – 621 голос «за»; Егор Тимурович Гайдар – всего 400 голосов «за».

После недолгого совещания Ельцин остановил свой выбор на Черномырдине.

В первом же данном после избрания интервью Виктор Степанович заявил, что он «за рынок, но не за базар».

И тут призадуматься. Вроде и сказано что-то, а что, понять никак невозможно.

Да...

Виктор Степанович – это не – чмок-чмок – Егор Тимурович...

14 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

НОВОЕ СЛОВО

– Сволочь ты такая! – ругалась на мужа соседка.
– На работу хорошую устроиться не можешь, а опять пьяный, как лужа! Ельцин ты – вот кто!

Трехлетний сынишка, присутствовавший при этой разборке, решил защитить отца.

– Мама! – сказал он. – Не ругай сволоча. Он – не Ельцин... Он мне конфету принёс...

25 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

ЗАПОЗДАВШИЙ ЮБИЛЕЙ

Сегодня 70 лет со дня образования СССР и чуть больше года, как СССР не стало...

В истории СССР бывало всякое, но такого, как за год без СССР, – никогда.

Говорят, что цены за этот год выросли в среднем в 25 раз.

Услышал сегодня в автобусе разговор женщин.

– Не знаю, как и детей растить... – вздыхала одна.

– А я и не бужу уже детей в школу, – отвечала другая. – Кормить нечем...

30 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

Глава четвертая **НА ГРАНИЦЕ СВЕТА И ТЬМЫ**

ИСПОРЧЕННОЕ ПОСОБИЕ

Борис Николаевич Ельцин все еще расстраивается, что Егора Тимуровича премьер-министром не утвердили, даже скрыть этого не может.

– Ведь Егор Тимурович рынку меня научил! – сказал он в своем новогоднем обращении.

Это точно. Про рынок, похоже, Борис Николаевич именно от Гайдара и узнал.

И это большая заслуга Егора Тимуровича перед демократами нашей страны и всего мира.

Таким хорошим педагогом оказался!

Ну а то, что наглядное пособие во время урока пострадало, так что ж...

На то Россия и наглядное пособие для наших реформаторов. И для Владимира Ильича Ленина со Львом Давидовичем Троцким, и для Бориса Николаевича Ельцина с Егором Тимуровичем Гайдаром.

1 января 1993 года, Санкт-Петербург

ПОВЕСТЬ О НИКОЛАЕ ОЛЕЙНИКОВЕ

Сидели с Евгением Лукиным над «Делом» Николая Макаровича Олейникова, сверяли машинопись с оригиналом.

Потом Женя ушел, а «Дело» осталось во мне, и вдруг как-то ясно представилось, что оно перевернуто, искажено, но как-то удивительно схоже со стихами Олейникова.

Бумаги, отобранные у Николая Макаровича при обыске, были уничтожены чекистами за ненадобностью...

У поэта отняли все.

Он уже не мог больше написать ничего.

Но он творил.

И фальсифицированный допрос в «Деле» – это его произведение, а не творчество чекиста Наума Голуба!

Интересно было бы написать, как Наум Голуб, сочиняя протокол допроса замученного им поэта, сам не замечает, что его подчинила логика Олейникова, и, выводя мертвые слова, он не может преодолеть эту логику и закрепляет в сочиняемом им протоколе допроса на века.

А начать эту страшную повесть можно было бы со слов: «Олейникова никогда не выдавал отец. Олейников сам придумал это, чтобы откреститься от отца-казака. Он хотел жить, и он решил принять законы нового мира, в котором ему предстояло жить...»

А дальше и про его партийность, и про его прозу, и про его стихи, а главное – про его насмешку, скрывающую искаженное болью лицо. И его слож-

ности с Маршаком тоже очень точно впишутся в этот сюжет... И, конечно, само его закончившееся расстрелом «дело»...

Встал и начал перечитывать стихи Николая Макаровича Олейникова, чтобы проверить возникшее ощущение, а потом до утра записывал, как их надо читать, в свете того, что открылось мне в его «Деле»...

4 января 1993 года, Санкт-Петербург

ЁЛКА В КГБ

Работаю в архиве, читаю дела ПетроЧК за 1918 год.

Евгений Лукин, посоветовавший мне познакомиться с делом «Каморры народной расправы», устраивает меня в пустом кабинете, приносит папки и уходит, и я остаюсь наедине с подручными Моисея Соломоновича Урицкого, которые еще в 1918 году задумали перетряхнуть на предмет антисемитских настроений всё население Петрограда.

В протоколах – голоса русских людей, которых мучили чекистские выродки. И вот перелистываешь пожелтевшие страницы, и эти голоса заполняют своей болью пространство кабинета, порою становится тяжело дышать.

А в коридор выходить не рекомендуется. Хотя и свобода сейчас, но посторонние в помещении управления бывшего КГБ должны находиться под присмотром тех, кто привёл их, и Лукин, если придерживаться правил, должен сидеть рядом со мною и никуда не отлучаться.

Впрочем, в здешних коридорах, по которым на смерть и на пытки столько людей провели, жутковатой мистики еще больше, чем в кабинете.

Сегодня переписывал протоколы допросов Василия Петровича Мухина, престарелого благотворителя и радетеля народного образования, которого подручные Моисея Соломоновича Урицкого расстреляли, чтобы завладеть его имуществом, и вдруг показалось, что в коридоре раздался детский смех.

Первой мыслью было опасение, не поехала ли у меня крыша от длительного общения с подручными Моисея Соломоновича. Но через несколько минут снова совершенно отчетливо донесся из коридора детский смех, и я не удержался на этот раз и всё-таки выглянул.

Дюжий дяденька в штатском костюме вел по коридору крохотную девочку с пушистым белым хвостом...

Нечто сюрреалистическое было в этой мирной картинке.

Тем более что, едва мужчина с белочкой скрыл-

ся за поворотом, как в коридоре с другой стороны показалась следующая пара: мужчина, неотличимый от того, который провёл белочку, держал за руку наряженного зайчиком мальчика.

Я аккуратно прикрыл дверь и вернулся за письменный стол к прошениям супруги В.П. Мухина, умолявшей Моисея Соломоновича отпустить ее старого и больного мужа.

О чекистах с белочками и зайчиками я старался не думать.

И правильно сделал, всё оказалось проще и обыкновеннее. Оказалось, что сегодня, впервые за всю историю ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, в здании управления для детей сотрудников проводится ёлка.

Нашлось объяснение смущению и растерянности, что явственно читались на лицах здешних похожих друг на друга отцов.

Это здание управления, прозванное в городе Большим домом, так и задумывалось, так и строилось, чтобы не соприкасаться ни с чем человеческим, а стоять как бы за гранью добра и зла. А сегодня залитые кровью коридоры наполнились беззаботным детским смехом, чистыми голосами детей...

Как же тут не смущаться?

6 января 1993 года, Санкт-Петербург

СВЯТОЧНОЕ ГАДАНИЕ

С утра допечатал подборку «Сны непозабываемые» для «Континента». Потом встретился с В.М. Булавиным, взял у него гонорар и «То да се» со своим рассказом «Богоявление».

Потом, уже дома, решил разобрать стопу газет со своими рассказами за минувший год. До вечера вырезал и подклеивал их.

Целая книжка получилась, листов на семь.

Непонятно только, кому ее предлагать сейчас...

Сидел пригорюнившись, а тут соседка Наташа позвонила, сказала, что к ней подружка пришла и они гадать собираются, только у нее газет нет...

Я про такие гадания не слышал ничего, но расспрашивать не стал, все равно надо было кипу разоренных газет выкидывать.

Взял их и пошел к соседке.

До полуночи жгли у Наташи на кухне газеты – гадали по тени от пепла.

Всякое мерещилось в очертаниях этих хрупких теней, но насчет сборника – куда отдать его? – я так ничего и не понял.

8 января 1993 года, Санкт-Петербург

МАРКА

Думал, весь день будет беготня, но никто сегодня не работает, только почта.

Прислали договор из «Молодой гвардии» на «Игрушки русских императоров». Еще пришло письмо от режиссера Николая Князева из Минска.

В письме комплименты моей пьесе «Зал ожидания»: «Этот «Зал» не оставляет меня, и я часто испытываю волнение, вспоминая «Ваня-Лида-Украина». Я бы так и назвал фильм. Ах, боже мой, как хочется поставить это кино. Я не помню за последние годы, чтобы что-то так сильно тронуло меня из отечественной современной литературы. Твоей рукой водел ангел, Коля. Ну не сам же ты написал, сознайся...» – и глухие сетования насчет сложности с постановкой нашего фильма «Пригород».

Еще пришла куча переводов.

Один – аж на восемьдесят рублей!

Сходил, получил все эти деньги.

Заодно узнал, что марка в Минск стоит теперь 40 рублей.

10 января 1993 года, Санкт-Петербург

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

В троллейбусе тесно. Редко теперь ходят они, плохо.

Но к этому привыкли и уже не рассуждают на эту тему в наших троллейбусах.

– Гражданской войны давно не было... – смеялся сегодня мужик, втискиваясь в переполненный салон. – Народишку больно много наплодилось.

И весело так сказал, что заулыбались все понимающе и сочувственно.

Бог знает...

Может, и действительно, вопреки всем стараниям наших правителей, не будет у нас гражданской войны...

15 января 1993 года, Санкт-Петербург

ЯЗЫК

Раньше говорили – начитанный паренек, подкованный...

Но это раньше, когда знания в цене были.

Теперь говорят: накачанный мужик! То есть мускулистый, сильный. Качок, одним словом.

Теперь, кроме силы, нет больших ценностей.

Язык очень четко уловил изменения в системе ценностей и ориентиров, принятых в обществе.

20 января 1993 года, Санкт-Петербург

«ПУСТЬ СВОЛОЧЬ ДЕРЕТСЯ, ДЕЛЯ ВОРОВЩИНУ»

Вчера ездил показывать покупателям сруб.

За городом снег, лес под снегом, под снегом и наш несчастный сруб, в который столько сил было вложено.

Автобус в Зеленогорск ждали на остановке

вместе с котом, которого его хозяйка везла к ветеринару. Кот задумчивый. Походит по снегу, потом сядет на скамейке, задумавшись. Трясет головой, и, кажется, слышно, как в голове шарики перекатываются.

Сегодня собирался в «Народную правду», но позвонил Олегу Чупрову – беседа с Владимиром Бондаренко напечатана, газеты он привезет на конференцию. Никуда не поехал, сидел и занимался «Каморрой». Написал главу «Два Моисея».

Вроде выстраивается материал.

Вечером пошел в Духовную академию на заседание философского общества Ивана Ильина. Там читали доклад «Ильин и монархия».

Очень интересно, а главное, как будто специально для следующей главы «Каморры» – «Пусть сволочь дерется, доля воровщину» – о монархисте Боброве.

25 января 1993 года, Санкт-Петербург

СТАРУШКА

Маринина подружка из Минска послала в Петербург свою мать делать операцию на глазах. Марина должна была только встретить ее и отвезти в клинику, но там старушку не взяли, и в результате она поселилась у нас.

Хорошая старушка, тихая, только не видит ничего и все силы ее сосредоточены, чтобы не потерять ориентации в нашей квартире. Поэтому даже и не разговаривает она, а когда, забывшись, спросишь что-нибудь, вздрагивает испуганно...

И такое отчаяние в ней, что неловко становится.

Убрали с проходов все, что можно, и квартира стала какой-то чужой.

26 января 1993 года, Санкт-Петербург

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Прошла конференция молодых писателей Северо-Запада.

Правда, денег на билеты и гостиницы мы не достали, и границы Северо-Запада сузились в этом году до пригородов Санкт-Петербурга, но все равно удивительно, что конференция собралась...

На заключительном общем собрании, которое я вел, говорил, что в наше время, когда правительство поставило своей задачей превратить всю молодежь в спекулянтов или чистильщиков обуви, мы просто обязаны назло всем продолжать писать.

И сам же испугался своих слов.

Зачем писать назло кому-то.

Надо просто писать.

Тем более, что многие из нас и не могут не писать...

27 января 1993 года, Санкт-Петербург

РЕЖИССЕР САЛТЫКОВ

Все минувшие дни – какие-то странные, похожие на розыгрыш телефонные звонки кинорежиссера Алексея Александровича Салтыкова¹.

Сегодня он позвонил и сказал, что хотел бы повидаться.

– Пожалуйста... – сказал я. – Где и когда вы хотели бы встретиться?

– Я сейчас стою на углу Марата и Разъезжей.

Накинув пальто, я спустился вниз и действительно увидел людей в меховых шапках и унтах, стоящих возле машины.

Один из них и оказался Алексеем Александровичем Салтыковым.

В квартиру мою он подниматься не стал, сказал, что уезжает в Новгород по делам фильма о генерале Власове, а со мною он хотел бы поговорить о моем рассказе «Охота в старых кварталах».

Потом, внимательно оглянув меня, сказал, что я первый писатель в России и по моему рассказу он будет снимать кино.

На этом мы и простились.

Домой я вернулся взволнованный.

А дома – светящееся от радости лицо Марины.

Оказывается, только что позвонили из клиники. Появилось место, и можно везти к ним старушку. Такси Марина уже заказала.

Просто и представить невозможно, как хорошо первым писателем России жить!

Сдали старушку в больницу, переставили мебель, и квартира снова стала красивой и уютной.

28 января 1993 года, Санкт-Петербург

ЗОНА

Ходил в библиотеку.

Читал журнал «Паук», который издавал Семен Злотников, главный персонаж «Каморры народной расправы», читал журнал «Вестник ЧК», который издавали его палачи.

Чтение «Паука», конечно, ошарашивает, но открываешь «Вестник ЧК» и понимаешь, что все антисемитские пассажи Злотникова достаточно невинны и беззубы по сравнению с русофобской ненавистью материалов, помещенных здесь.

Возвращаясь домой, купил у Гостиного двора «Народную правду» с началом моего очерка «Зона».

30 января 1993 года, Санкт-Петербург

РЕЛЬСОВСК

С «Каморрой» дела идут туго.

Сегодня дописал главу о Семене Злотникове и ослеп.

Пришлось следом за нашей старушкой идти в глазную поликлинику.

Там что-то покапали в глаза, посоветовали завести очки, и рассеялся туман, снова вернулось зрение.

Вечером взялся читать свой очерк в «Народной правде», вспомнил истории, которые придумывали мы с Колей Посновым в Брянске, про город, где берегут рельс для Бориса Николаевича Ельцина, и совершенно позабыл о поразившей меня слепоте.

3 февраля 1993 года, Санкт-Петербург

ОКРУЖЕНИЕ

Снова начал заниматься «Каморрой народной расправы», но тут звонок от Алексея Александровича Салтыкова.

Просит прочитать его сценарий и познакомиться с материалами по Власову, которые он собрал.

Не спал всю ночь, думал, зачем Салтыкову посылать мне материалы по фильму о генерале Власове, если он собирается снимать фильм по моему рассказу «Охота в старых кварталах».

Утром пошел на вокзал встречать поезд с материалами.

Сценарий слабенький. Ни Власова, ни Второй ударной армии в нем нет. Нет и трагедии этого окружения, в которое армия попала по вине генерала К.А. Мерецкова.

А вот документы, особенно дневники лейтенанта Ивана Никонова, просто потрясают...

6 февраля 1993 года, Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сегодня попытался составить хронологию событий восемнадцатого года для «Каморры народной расправы». Общеизвестных дат для этой книги о самом коротком в мире годе недостаточно...

Я перерыл воспоминания Федора Раскольниковца, Льва Троцкого и прочих героев революции, просмотрел массу трудов историков, но не нашел никаких упоминаний о событиях, которые фигурировали на страницах дела Каморры народной расправы.

И только случайно открыв «Записные книжки» Александра Блока, нашел упоминание и о расстреле Меньшикова на Валдае, и о стрельбе в Петербурге в дни подавления в Москве восстания левых эсеров, и о других событиях, что упоминаются в архивных делах ПетроЧК.

Получается, что в записных книжках Александра Блока история сохранилась значительно полнее, чем в трудах профессиональных историков или воспоминаниях самих революционеров.

8 февраля 1993 года, Санкт-Петербург

¹ Кинорежиссер, поставивший фильмы «Председатель», «Князь Серебряный» и т.д.

ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ

Так и не понял, как это получилось, но в результате разнообразных манипуляций Алексея Александровича Салтыкова я превратился в автора сценария фильма о генерале Власове.

Сегодня отнес статью «Наперсники разврата» в «Народную правду», потом отвез отставному кагэбэшнику Василию Ивановичу Бережкову отредактированную рукопись.

Тот заплатил за работу 5 200 рублей + 5 долларов. Особенно умилили меня эти пять долларов. Уезжаю в Москву писать сценарий.

20 февраля 1993 года, Санкт-Петербург

АНОНСЫ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Нападения пиратов на российские рефрижераторы в Желтом море...

Руслан Хасбулатов критикует соглашение, заключенное Верховным Советом с Борисом Ельциным.

Борис Николаевич Ельцин объявил в Кремле о фронтальном наступлении на преступность и коррупцию.

На крыше дома вблизи Старой площади схвачен беглый хабаровский майор Иван Кислов. По его словам, ему очень хотелось застрелить наступающего на преступность Ельцина.

Под Москвой, в Клязьме, прошел Восстановительный съезд Коммунистической партии Российской Федерации. Геннадий Андреевич Зюганов избран главой КПРФ.

Джохар Дудаев провозгласил новую конституцию. Трехсоттысячная манифестация оппозиционных сил в Москве.

В связи с гиперинфляцией прекратился выпуск купюр достоинством 1 рубль...

Это не просто анонсы статей, которые можно прочитать. Это анонсы всей нашей будущей жизни...

25 февраля 1993 года, Санкт-Петербург

ВЫСТРЕЛ ИЗ-ЗА УГЛА

Приехал в Москву, где мы начали работать над сценарием в гостинице «Минск» на улице Горького.

Выдержал я там всего день.

Ночью, только выключил свет, номер наполнился каким-то странным шумом. Включил свет – весь пол покрыт тараканами.

Заснул только под утро, так и не выключив света.

Днем я спросил у директора картины, сколько они платят за номер.

– Тысячу двести... – ответил Виктор Степанович.

– Если вы не против, я в Дом творчества «Переделкино» перееду. Там номер стоит четыреста рублей.

Директор согласился с моим предложением,

но когда он рассказал об этом Салтыкову, тот тоже загорелся ехать в Переделкино.

Так и убежал я из «Минска» от тараканов.

В Переделкино писателей немного и все незнакомые.

За столом у нас сидит Олег Битов, тот самый корреспондент «Литературной газеты», который лет десять назад прославился своим исчезновением во время заграничной командировки. Он попросил политического убежища в Англии, но через год вернулся в Москву, где заявил, что он был похищен английскими спецслужбами. То ли иностранным шпионом он оказался, то ли нашим разведчиком.

Ничего интересного Битов не говорит, но для создателей сценария фильма о генерале Власове это, конечно, весьма символичное соседство...

Однако Салтыкову в Переделкино нравится только то, что мы рядом и не только днем, но и вечером можем обсуждать сценарный материал.

Зашел сегодня к нему сказать, что обещанную сцену принесу после завтрака, пару страниц не успел перепечатать, а сейчас уже поздно на машинке стучать.

– Почему поздно?

– Ну, здесь не принято после одиннадцати на машинке стучать. Спать мешает...

Салтыков совсем огорчился.

– Плохой день... – сказал, прощаясь. – А тут еще этот выстрел из-за угла.

Выстрелом он называет то, что не принято в Переделкино шуметь по ночам.

3 марта 1993 года, Переделкино

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЗАКРУТ

Уже две недели живем в Переделкино.

Здесь же и Салтыков. На завтрак не ходит, на обед не ходит, на ужин не ходит. Днем штор не раздвигает, сидит в полумраке, не различая ни дня, ни ночи, и все время, как ни зайду, пишет.

Сегодня дал мне свои отпечатанные листочки.

Что-то совершенно непонятное. Не понятно ничего, а главное, не понятно, почему Салтыков пишет совершенно другой сценарий и мне, своему соавтору, даже и не сообщает об этом.

Этакий вот кинематографический закрут...

6 марта 1993 года, Переделкино

СВЯЩЕННИК РОА

Сегодня ездил с Салтыковым на встречу с протопресвитером Александром Киселевым, бывшим священником РОА, живущим сейчас в Донском монастыре.

Встреча проходила в Московском Доме кино.

– На собрании в Берлинском Доме Европы 18 ноября 1944 года мне было поручено слово от лица Православной Церкви, – заученно вспоминал сидящий напротив меня старенький седой священник. – Я говорил, что жить надо так, чтобы не страшно было умереть, чтобы не стыдно было дать ответ за прожитое, что существует не только классовая правда и не она занимает высшее нравственное положение. Существует правда божественная, которая всегда, при всех условиях и для всех правда. Это был день, когда мы впервые так уверенно ощутили себя силой, русской организованной силой, способной спасти Отечество! Ни о каком ощущении «обреченности» тогда не было и речи. Мы верили в победу. Это было не только нашим духовным ощущением, но и реальной возможностью, которая стояла близко, перед нами...

Голос отца Александра дрожал, когда он говорил это, на глазах блеснули слезы, а рядом, за соседним столиком, сидела шумная компания молодых чеченцев, из-под курток которых узнаваемо оттопыривалось оружие.

По словам отца Александра, отклик на Манifest КОНРА был колоссальный.

– А вы сами верили в то, что там было написано? – спросил Салтыков.

– Конечно, верил... Я ведь сам говорил с ним об этом. Я приехал, чтобы спросить у него, Андрей Андреевич, вы верующий человек? И знаете, что он ответил? Он сказал: «Да как же можно без веры, отец Александр?»...

Еще отец Александр Киселев рассказал, что владское освободительное движение как не было началом, так не является и концом известного периода Русской истории, и понятно было, что для него генерал Андрей Андреевич Власов был светом, вспыхнувшим в черноте изгнания. Он идеализировал Власова самозабвенно, как только может ошибаться молодой человек, ошибался в оценке, но все это было искренним заблуждением настоящего русского патриота.

И все это было чрезвычайно симпатично, особенно рядом с компанией чеченцев...

– Я думаю, – прощаясь, сказал протоиерей Александр, – пройдет еще немного времени, и в Москве будет поставлен памятник Андрею Андреевичу Власову. Я так считаю.

И он посмотрел на нас остро, испытующе.

Мы так не считали и промолчали.

Старенький протоиерей обиженно сморгнул и опустил глаза.

10 марта 1993 года, Переделкино

ЖУЛИКИ

В Переделкино пришли новые времена.

Писателей – десятка полтора. Эти еще держатся, еще способны изыскивать на путевки немалые, даже и в льготном исчислении, деньги. Основная же масса, заселившая писательские корпуса, – бухгалтеры, какие-то мелкие предприниматели.

К телевизору, чтобы посмотреть «Новости», теперь пробиваешься с боем.

В «Новостях» и про «марш пустых кастрюль» по Тверской улице, и про внеочередной Съезд народных депутатов России, на котором Б.Н. Ельцин все побеждает и никак не победит депутатов, и про депутатов, конечно, которые отменяют одно решение президента за другим...

Но переключить телевизор на «Новости» удастся не сразу и не всегда – новое население Переделкино больше интересуют мексиканские сериалы.

Разговоры тоже непривычные для Дома творчества.

– Я ему четыре миллиона одолжила на слово, а он за кордон свалил!

– Ужас! Одни жулики кругом!

И почему-то на тебя при этом смотрят, хотя и не одалживали тебе ничего.

15 марта 1993 года, Переделкино

ВЛАСОВ

Свой вариант сценария Салтыков сам забраковал, но и наш общий сценарий ему тоже не нравится, а главное, не очень-то и понятно, чего Алексей Александрович хочет...

Но в результате только про Власова и думаю теперь.

Сегодня даже разговаривал с ним во сне.

Генерал про 2-ю Ударную армию рассказывал, но почему-то только то, что я и так знал. Сетовал генерал, дескать, не знает, как из окружения выйти.

Я вздыхал сочувственно.

Потом, чтобы как-то генерала утешить, рассказал про наш сценарий.

– Сроки подходят, а со сценарием никакого просвета... Салтыков злится... Как теперь будем выходить из такого положения?

И пока жаловался я, Власов исчез куда-то.

Ужасно это меня рассердило. Почему-то во сне подумалось, что он к режиссеру ушел.

Вот ведь предатель! И тут на другую сторону переметнулся!

Теперь всё Салтыкову про сценарий выдаст.

17 марта 1993 года, Переделкино

ОБЪЯСНЕНИЕ

С самого начала меня удивляло стремление Салтыкова к тайнам.

А потом я увидел в номере Салтыкова Мишу Варфоломеева.

– Он что, тоже над сценарием работает? – спросил я в шутку.

– Если вы не против, я с вами потом поговорю... – с обычной для него улыбчивостью ответил Салтыков.

И, видимо, потому, что, задавая вопрос, я и не предполагал подозревать что-то, ответ Салтыкова ошеломил меня.

Я ничего говорить не стал.

Повернулся и вышел из номера.

18 марта 1993 года, Переделкино

В ПАУТИНЕ

Всю ночь не спал. Такое ощущение, будто паутиной обматывают.

Прочитал сегодня в «Литературной России», что в «Кубани» идет моя повесть «Полет на Юпитер».

Интересно, как она попала туда?

Я эту повесть, кажется, только в «Наш современник» посылал, но там не взяли.

19 марта 1993 года, Переделкино

ОПУС

После обеда Виктор Степанович принес мне в номер 25 000 рублей, которые я должен был получить по договору. Не знаю уж, что там говорил Салтыков, но директор фильма даже как будто зауважал меня, сумевшего так повернуть дело, что и деньги мне прямо в номер привозят.

Однако уважение уважением, а служба службой.

– Вы нам ваш законченный вариант сценария сдайте, пожалуйста, – сказал Виктор Степанович. – Да-да, и подпишитесь, если нетрудно...

И улыбнулся, пряча в портфель мой опус.

И вот ведь совпадение: вечером в телевизоре Борис Николаевич Ельцин объявил, что вводит ОПУС.

20 марта 1993 года, Переделкино

НЕ НАМИ СКАЗАНО...

Позавчера Борис Николаевич Ельцин с волчьей улыбкой объявил по телевизору, что вводит ОПУС...

А вчера, когда в Москву начали съезжаться встревоженные депутаты, по нашему телевидению невнятно объявили, дескать, текст указа об особом порядке управления страной то ли исчез, то ли его вообще не было, но демократам, митингующим на Васильевском спуске, эти «бюрократические» тонкости до лампочки.

По всем телевизионным программам показы-

вают их лозунги: «Борис! Раздави красного дракона!», «Смотри, Борис, какая мразь во Дворце советов собралась».

И вот к вечеру объявили, что умерла Клавдия Васильевна Ельцина – мать Бориса Николаевича.

И как-то сами собою две строчки сложились:

*Ведь надо же так изолгаться,
чтоб мать со стыда померла...*

Сегодня прочитал эти строчки в «Нашем современнике» Станиславу Куняеву и посетовал, дескать, больше ничего не могу присочинить к ним.

– А зачем присочинять... – сказал Станислав Юрьевич. – И так уже тут всё сказано...

Это верно, конечно. Сказано... И к тому же – не нами...

22 марта 1993 года, Переделкино

ТАЙНЫЙ ДЕПУТАТ

Приснилось, будто я депутат, но какой-то неважный, подпольный.

Вроде выбрали меня в каком-то округе Москвы, но на съезды я не езжу и даже не уверен до конца – выбран ли я. Такая вот, как только во сне бывает, сокрушительная неопределенность...

Домашние советуют мне скрыться.

Я подумал и проснулся...

Только страх не прошел. Простому человеку наяву теперь еще страшнее, чем депутату во сне...

23 марта 1993 года, Переделкино

В ПОСЛЕОПУСНОЙ МОСКВЕ

Ездил в Москву.

В «Роман-газете» выпуск с моей повестью про Рубцова перенесли на №24. Нет денег, и они сдваивают номера.

В газете «День» вычитал свой рассказ «Из дневника отлетающего» и пошел с Владимиром Бондаренко и Владимиром Личутиным в буфет.

Я чай взял к своим переделкинским бутербродам. Личутин взял одно первое. Бондаренко – и первое и второе.

С Цветного бульвара отправился в журнальный корпус «Молодой гвардии».

Там в «Россиянах» Владимир Иванович Фирсов. Урюмо оглянув меня, рассказал, что собираются продавать журнал.

– А купят? – спросил я.

– Не знаю... – сказал Фирсов. – Только мне уже надоело деньги искать, чтобы его выпускать.

Отправился в центр – искать митинги в поддержку Ельцина, о которых столько говорят по телевизору.

Никого не нашел.

Только у памятника Юрию Долгорукому – кучка демократов.

Настоящая иллюстрация ко всему творящемуся сейчас ОПУСу.

26 марта 1993 года, Переделкино

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Жизнь такая, что за нею ни с какой выдумкой не угнаться.

24 марта в Москве открылась выставка Павла Корина «Русь уходящая».

Как будто специально ее приурочили к открывшемуся через день IX внеочередному Съезду народных депутатов России, на котором «за» импичмент президенту Борису Николаевичу Ельцину проголосовало 617 депутатов, «против» – 268.

Не хватило 72 голосов, и Б.Н. Ельцин вышел к своим сторонникам, собравшимся на Васильевском спуске, и, как о своей победе, объявил: «Коммунистический переворот не состоялся!»

Проправительственный митинг начался сразу, как только с Васильевского спуска ушли оппозиционные демонстранты. Борис Николаевич Ельцин лично попросил демонстрантов не расходиться до конца работы съезда. Снова, как и у Белого дома в 1991 году, началась бесплатная раздача водки. Были построены виселицы, на которых повесили чучела лидеров оппозиции. К вечеру, разгоряченные выпивкой, демократы напали на возвращающихся в гостиницу депутатов и начали избивать их.

Депутатская Русь, конечно, не та Русь, которая у Павла Корина, но тоже уходящая...

28 марта 1993 года, Переделкино

КОСТЬ

Подмосковье.

Грязная привокзальная площадь.

Возле ветхого памятника Ленину две вороны отбирают у собаки кость...

Одна ворона подскочила к дворняжке, клюнула в нос и заковыляла прочь, да так медленно, что не выдержала дворняга, бросив кость, кинулась догонять наглую птицу.

Догнать не удалось. Только щелкнула зубами собака – ворона прямо перед ее носом взлетела. А другая ворона в это время, ухватив кость, попыталась взлететь на дерево. Но не удержала добычу, упала кость на землю, и дворняжка снова подобрала ее...

Я наблюдал эту сцену из-за грязных стекол зала ожидания, читая в газете, что Министерством юстиции зарегистрирован Устав Коммунистической партии Российской Федерации (КП РФ).

Когда я добрался до слов председателя ЦИК КПРФ Геннадия Андреевича Зюганова, говорившего, что «партия всегда использовала только законные и конституционные методы», воронам возле ветхого памятника Ленину удалось-таки завладеть костью.

Они устроились с добычей на дереве.

Дворняжка немного полаяла на них, а потом усе-лась под памятником и завывала.

Безнадежно завывала, уже ни на что не жалуясь...

30 марта 1993 года, Москва – Санкт-Петербург

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Встреча с митрополитом Иоанном (Снычевым) в Союзе писателей.

Перед встречей Андрей Ребров затащил меня в комнату, где сидел митрополит.

– Благословите, владыка! – попросил он.

Митрополит Иоанн благословил и его, и меня.

Выступление владыки – он так долго расхваливал роман Натана Рыбака «Переяславская рада», что возникало ощущение, будто других художественных книг он и не читал вообще! – оказалось неинтересным, но когда начались ответы на вопросы, владыка преобразился.

И даже не то поражало, насколько умно он говорил, а то, что ответы эти были именно на те вопросы, которые я сам себе задавал в последнее время или собирался задать...

8 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ДЕВУШКА СО ВТОРОЙ ПРОГРАММЫ

Странные, тяжелые сны снятся днем...

– Вы были в Париже? – спросила пьяненькая девушка.

В Париже я не бывал, но признаваться не стал, пошел следом за девушкой. А она и не ждала ответа, просто обернулась и – очень открыто – глаза, голос: «Хочешь меня?»

– Ну! – кивнул я.

И вот мы идём и разговариваем о каком-то поцелуе коврика в Париже.

А вот и дом...

В нём три этажа, но вход в него по наружной лестнице, прямо на третий этаж, а уже оттуда – спуск, словно в шахту.

– Ты смотри, – говорит спутница. – А то меня в прошлый раз обманули. Привели, а там 400 женщин на четырех мужиков.

– Нет. Что ты, – говорю я. – Откуда мне столько женщин взять? Но куда мы идём? Разве не к тебе?

– Почему ко мне? – говорит девушка. – Разве к тебе нельзя?

– Можно... – говорю я. – Но зачем тогда мы сюда пошли?

– А ты не узнал? – спрашивает девушка и смеется. – Это твой дом и есть. Только мы со стороны второй программы к нему подошли.

Я не понимаю, о чём говорит она, но дом как будто начинаю узнавать. Мы спускаемся вниз, к моей квартире, и я слушаю, как объясняет спутница, что она всегда жила как бы по второй программе телевизора и эта дорога ей более знакома...

– Ко мне?!

– Нет! – отвечает девушка. – На вашу программу телевизора.

Открыл глаза и ещё не успел проснуться, а уже зазвонил телефон.

Звонил Виктор Степанович – директор нашей картины про Власова.

– Салтыков умер...

– Алексей Александрович?!

– Алексей Александрович Салтыков...

Лазарева Суббота.

10 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ

Казалось бы, можно и не волноваться...

И деньги есть на продукты, и прежняя обувь не изнасилась. И жилище имеется – еще при советской власти квартира получена...

Живи спокойно. Но не спокойно на душе. Не понятно, что завтра будет...

Хотя тревога не только от неуверенности в будущем.

Кругом, куда ни помотришь, воровство. Все, кто предприимчивее, наглее – сколачивают состояния.

И понимаешь – не твоё это, не пойдёшь воровать, да если бы и пошёл, не сумеешь, но всё равно ощущение, будто пропускаешь свой шанс на будущее, не проходит.

И такое подлое это беспокойство, что даже здравая мысль – ведь не взять в могилу ни особняков, ни машин, ни счетов в швейцарских банках – не успокаивает. Не срабатывают, когда нет уверенности в завтрашнем дне, никакие душещипательные размышления.

И не поэтому ли так схоже наше время с двигателем, в котором сорвалась с крепления какая-то деталь и колотится изнутри, разрушая всё.

И тут уже и не столько об устройстве нашего времени думаешь, а о том, как бы самому уцелеть...

12 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

СЛОН

Дописываю повестушку «Пожар на старых болотах», хотя понимаю уже, что повесть не получилась и лучше сразу засунуть ее куда-нибудь подальше в ящик стола.

Сегодня приснилось, будто живу я в Минске и у меня есть слон. Крохотный слон, размером с кота. Но самый настоящий. И вот мне нужно уезжать из Минска, а что, спрашивается, со слонем делать?

Я и упаковывать его пробовал, но не упаковывался он, и в чемодан его засовывал, но он не засовывался.

Перепробовав все, я сообразил вдруг, что мне просто надо кому-нибудь подарить этого слона. Такой ведь маленький он, такой хороший... И тут как-то смутно, медленно, как во сне бывает, я вдруг понимаю, что мой крохотный слон – редкость, а значит, его не только подарить, но и продать можно.

Продал я слона какой-то чете за пятьдесят тысяч чего-то, а чего именно – я так и не понял. Хотя, наверно, деньги это были вполне приличные, поскольку муж не хотел покупать слона, но жена уговаривала его, сказала, что они бриллиантовое кольцо за 90 000 купили, а тут целый слон и такой маленький, какого ни у кого из соседей нет...

В общем, продал я своего замечательного слона.

И то ли в отъезде отпала надобность, то ли новые владельцы слона вместе со мною переехали, только я живу и вижу, как живет мой слон, только теперь уже у новых хозяев.

Скучно он живет. Строжат его новые хозяева, мучают разными правилами...

И так грустно мне стало, так жалко слона, что я проснулся даже.

Проснувшись, долго лежал и думал, о чем этот сон? И что я такое, самое свое дорогое, не понимая, что это мое самое дорогое и есть, продал?

Только как тут ответишь на это?

Чего я, собственно, только не продавал своего, самого важного и дорогого?

13 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

«МЫ С ТАМАРОЙ ХОДИМ ПАРОЙ...»

Современная история, кажется, строится как раз по сценарию этой присказки...

30 марта в Москве завершился Конгресс русских общин ближнего зарубежья, а 1 апреля вступил в силу закон «О государственной границе Российской Федерации»...

Или другая пара... 14 апреля, в Страстную Среду, в Военном трибунале Верховного суда России начался процесс по делу ГКЧП. Двенадцать человек обвиняются в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти.

А 16 апреля, на Страстную Пятницу, в Верховном Совете Российской Федерации выступил председатель Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией Александр Ручкой. Оказывается, за

время реформ, осуществляемых правительством Егора Гайдара, производство в стране сократилось на 30 процентов, национальный доход – на 18. За минувший год совершено 2500000 зарегистрированных преступлений. Стоимость российского экспорта составила 38 миллиардов. В страну вернулось 11 миллиардов. Александр Руцкой обвинил правительство, и прежде всего господина Чубайса, в потворстве мафии...

Вот и спрашивается, отчего же судят гэкачепистов за то, что они пытались не допустить Гайдара и Чубайса до власти?

Или именно за это и судят?

16 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

СТРАСТНАЯ СУББОТА

Вчера был вынос Плащаницы, сегодня – Великая суббота, посвященная воспоминанию о пребывании Иисуса Христа во гробе и сошествии в ад.

По телевизору – сплошное славословие Ельцину. Какая-то массивированная, беспощадная атака всей демократической нечисти.

И страшная мысль: неужели все-таки проголосуют за него?

Страшно даже не то, что проголосуют.

Страшно, что это будет означать, что Россия умерла и уже не способна и на самозащиту. Лежит и разлагается, как труп.

Неужели это так?

Снова взялся за «Каморру народной расправы».

17 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ПАСХА

Я редко хожу во Владимирскую церковь, хотя она и рядом с домом.

Уж очень здесь – рядом метро, рынок – много народа. Не повернуться в церкви, не перекреститься толком...

Но так получилось вчера, что поближе к дому храм выбрали...

И до Крестного хода вроде все хорошо шло.

Но с полуночи повалила молодежь.

Запомнилась одна компания. Парни – прикинутые, накачанные. Спутницы их – туго налитые, упакованные... Все шли, сжимая в руках огромные зажженные свечи, выставленные наподобие пик. И решимость в остеклевенных от водки глазах была такая, будто прямо в Царствие Небесное ребята прорваться решили...

Народ испуганно шараялся в стороны.

Жутковато было.

В обычной жизни редко сталкиваешься с новыми русскими. Не пересекаемся – поскольку в рестораны их мы не ходим, а в трамваях наших они сами не

ездят. Но вот с церквями неувязка вышла. Не построили они пока своих храмов! Вот и встречаемся...

И в результате словно и Пасха не наступила, вместо праздника какая-то тяжесть на душе, смуга.

А сегодня еще сообщение по телевизору...

В Оптиной пустыни в пасхальную ночь убиты иноки Трофим, Ферапонт и иеромонах Василий.

И понятно, что никак не связано это преступление со вчерашними богомольцами с залитыми водкой глазами, а всё равно ту компанию молодых людей с остекленевшими от водки глазами, с выставленными наподобие пик зажженными свечами и вспоминаешь, когда об убийстве в Оптиной пустыни думаешь...

18 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ЧТО РЕКЛАМИРУЮТ?

Смотрел сегодня боевик по телевизору – из жизни американской мафии.

В фильм почти через каждую сцену рекламные блоки вставлены. И так сливаются рекламные ролики по тональности с жизнью чикагских гангстеров, что не сразу и разберешь, то ли фильм идет, то ли рекламу показывают.

Еще труднее понять, что в роликах рекламируется – товары или вот эта самая американомафиозная жизнь?

20 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ДА. ДА. НЕТ. ДА

На Всероссийский референдум было четыре пункта вынесено:

1. Доверяете ли Вы Президенту РФ Б.Н. Ельцину.

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом РФ и Правительством РФ с 1992 года.

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ.

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ.

Из 107,4 миллиона избирателей, занесенных в списки, в голосовании приняли участие 68,5 миллиона человек. Только 39,7 миллиона человек поддержали Ельцина. Еще меньшее количество поддержали реформы.

Тем не менее по телевизору объявили, что победил на референдуме Борис Николаевич Ельцин.

У одних сторонников Ельцина радость, у других – печаль.

Зашел сегодня в кафе Союза писателей, а там над чашкой остывшего кофе Владимир Рекшан сидит.

Грустный какой-то, задумчивый...

– Что случилось, Володя? – спрашиваю. – Перебрал вчера?

Оказывается, Рекшан решил потряхнуть рокерской молодостью и написал к референдуму песню о доверии Ельцину и его политике...

– **Да**, песню купили в офисе Галины Старовойтой, **да**, заплатили... Но **нет**, так и не прокрутили по центральному каналу ТВ. Интриги, **да**, интриги!

– Не удалось, значит? – посочувствовал я. – Это, Володя, горе... Сочувствую.

– **Да!** – повторил Рекшан – **Да**. Конечно, горе. **Нет**, ты не ехидничай. **Да**, я тебя серьезно прошу, не ехидничай.

– Нехило ты над песней работал, – восхитился я. – До сих пор рефрен этот: «Да. Да. Нет. Да», – повторяешь.

– **Да...** – сказал Рекшан и с вызовом посмотрел на меня. – **Да!** Я и не стесняюсь, **нет!** Если хочешь знать, весь народ этот рефрен повторяет.

Да! Весь народ...

– Какой, Володя, народ?

– Наш народ, Николай, **наш**.

26 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ТЯЖЕЛЫЕ МЫСЛИ

Тяжелый разговор с Евгением Васильевичем Кузузовым. Ни фиги не делается у нас в ассоциации, полтора года одни разговоры...

Но еще тяжелее из-за этого референдума.

Самое страшное, что вроде теперь и непонятно, чем я отличаюсь от демократов? Да, им не нравится русский народ... А мне? Нет, мне тоже не нравится народ, который голосует на референдуме, положив, по своему обычаю, всё, что можно положить на своё будущее?

Тяжелые это мысли...

27 апреля 1993 года, Санкт-Петербург

ЕЩЕ ОДНА ПАРОЧКА

А вот еще одна спешащая в историю парочка событий...

28 апреля вышло распоряжение президента России, запретившее проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и манифестаций на Красной, Старой и Новой площадях, а сегодня, 1 мая, по телевизору показывают настоящее побоище в Москве.

Первомайская демонстрация была остановлена омоневскими частями и солдатами дивизии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Сотни демонстрантов зверски избиты, есть убитые.

В районе площади Гагарина горели машины и, как во времена Феликса Эдмундовича, щедро лилась кровь.

Говорят, что омоневцы, особо отличившиеся в избивании демонстрантов, получили от Бориса Николаевича Ельцина денежные награды.

1 мая 1993 года, Санкт-Петербург

ИНОСТРАНЦЫ

Шли с художником Гошей Семеновым, разговаривали, потом захотелось пива выпить...

С этим делом теперь хорошо.

Только подумали – тут же ларёк. Взяли пива, сидим на пустых ящиках, разговариваем.

И сразу какая-то жизнь вокруг закрутилась. Мальчишка стоит, ждёт, когда бутылки освободятся. Потом старушка подошла...

Начала рассказывать, что пенсия у неё маленькая, на еду не хватает, хоть и работала всю жизнь. Вот и сегодня ломала голову, на какие средства хлеб купить, а тут видит, два молодых иностранца сидят, ну и решила спросить, может, помогут?..

Гоша вытащил из кармана мелкие деньги и протянул старушке.

– Берите! – сказал он. – Только скажите, почему вы нас в иностранцев записали. Мы – свои.

– А и не знаю, почему так подумала, – сказала старушка. – Просто иду, вижу люди сидят, пиво пьют, смеются. Ну, думаю, иностранцы... А вы что? Наши будете?

Покачала головой и ушла.

Тихая такая старушка, задумчивая...

12 мая 1993 года, Санкт-Петербург

ПУТЧ

Путч в Союзе писателей.

Заварил его Александр Георгиевич Скоков. Снял Евгения Васильевича Кузузова.

Я пытался защищать Кузузова, но что тут защищать?

Руководителем нашей группы стал Иван Иванович Сабилло.

17 мая 1993 года, Санкт-Петербург

ТЕРМИНАТОР

Заходил в Союз писателей.

Поговорил с Иваном Ивановичем Сабилло о делах в ассоциации.

Иван Иванович начал рассказывать о журнале «Терминатор», в котором он работает заместителем редактора.

Я рассказал о том, что собираюсь писать об убийстве сатанистами монахов в Оптиной пустыни.

– Это наш материал! – заволновался Иван Иванович.

Тут же пошли к редактору и издателю «Терминатора» и тут же было решено отправить меня в командировку в Оптину пустынь.

18 мая 1993 года, Санкт-Петербург

ТИХОЕ ВЕНЧАНИЕ

Венчались с Мариной в церкви Кирилла и Мефодия.

В маленькой церкви были только мы с Мариной, отец Владимир, дьякон, хор, Антонина Станиславовна, моя сестра Саша и брат Марины – Андрей.

Потом посидели у нас...

Очень тихо на душе.

19 мая 1993 года, Санкт-Петербург

НА ГРАНИЦЕ СВЕТА И ТЬМЫ

Монастырь Оптиная пустынь стоит на высоком берегу Жиздры.

С одной стороны – речная излучина, светлый мир, открытое взгляду пространство полей и лугов, а с другой – лес, темный, большой... Если посмотреть на монастырь откуда-нибудь с неба, покажется, что стоит он на границе тьмы и света.

Эта граница отчетливо видна и на аэрофотосъемках, которые показывали мне в Калужской прокуратуре, объясняя путь бегства из монастыря убийцы. Убив иноков на звоннице, он побежал в темноту леса.

Конечно, ощущение границы света, на которой встал монастырь, словно бы сдерживая собой сгущающуюся за ним темноту, субъективно.

Но истоки его можно найти и в истории монастыря.

«Я ехал с вокзала к монастырю и вдруг за поворотом увидел как бы в воздухе белый город-кремль: белые крепостные стены с башнями, белые храмы, над которыми господствовала, далеко уходя ввысь, белая колокольня. И всё это высилось на фоне зубчатой стены многовекового девственного бора... – описывал монастырь И.М. Канцевич в конце XVIII века. – Белое облако-туман расстилалось у подножья стен монастыря, отделяя его от земли и унося в «горня». А другое белое облако далеко на горизонте вздымалось над монастырём, и в нем непрерывно сверкали беззвучные зарницы, прообраз того нетварного света Фаворского, носительницей которого была Оптиная пустынь».

Говорят, что звон колоколов из Оптиной пустыни раньше отчетливо различался и за семьдесят километров, в Калуге. Сейчас прежняя колокольня еще не восстановлена, но колокольный звон с временной, прямо на земле устроенной звонницы в эту пасхальную ночь 1993 года услышала вся Россия.

Вернее, услышала, как прервался звон, когда,

сраженные мечом с выгравированными на лезвии шестерками, упали один за другим иноки Ферапонт, Трофим и Василий.

И для многих, очень для многих эта внезапно наступившая на границе света и тьмы тишина оказалась слышнее, чем усиленный телевидением шум президентско-депутатской схватки в Москве...

27 мая 1993 года, Калуга

ДРУГАЯ СИЛА

Вроде и связей особых нет, и журналистской нахрапистости начисто лишен, не говоря уже о каком-то особом обаянии, а приехал в Калугу, где до меня целый месяц топтались столичные корреспонденты, и сразу же, мне первому из пишущей братии, попали в руки изъятые при обыске дневники убийцы!

Глаза стремительно бежали по строчкам, за которыми распаивался такой чужой и такой страшный мир, и только частичкой сознания понимал я, что это крайне невежливо по отношению к следователю прокуратуры, столь любезно показавшему мне дневники...

Но, понимая это, я почему-то совершенно ясно осознавал, что даже ради вежливости отрывать от чтения дневников нельзя.

– Можно выписки для памяти сделать? – спросил я, перебивая собеседника.

Тот пожал плечами, и я, не добиваясь дополнительных знаков согласия, вытащил блокнот и торопливо начал заносить главные, узловыи сцены описанной в дневнике истории совращения человеческой души дьяволом.

Мой собеседник демонстративно вздохнул и начал перелистывать на своем столе какие-то бумаги.

Я успел добраться до середины дневника, когда в кабинет заглянул следователь, который и вел дело об убийстве в Оптиной пустыни.

Меня представили ему.

Я пожал ему руку, попросил его уделить мне время для беседы.

– Да-да... – сказал он, и тут взгляд его упал на раскрытые дневники.

Он узнал их.

– Я попозже загляну, – сказал он.

– Я буду ждать, – сказал я.

Следователь ушёл, а через пару минут на столе хозяина кабинета зазвонил внутренний телефон.

– Да! – сказал собеседник. – Так точно. Да. Сейчас буду...

Он повесил трубку.

– Начальник вызывает... – сказал он. – Вы никуда не выходите, пожалуйста.

Я кивнул.

У меня не было времени анализировать ситуа-

цию, но я совершенно точно, знал, что это следователь, который узнал дневники убийцы, настучал начальству на хозяина этого кабинета.

Минут пять я работал в кабинете один и, сокращая слова, стремительно конспектировал дневники.

Потом появился хозяин кабинета.

Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять – наверху ему устроили выволочку. Поправив галстук, он сел за стол и кашлянул.

– Николай Михайлович! – сказал он. – Я думаю, что вам надо получить разрешение у нашего начальства на снятие копии дневников.

– Хорошо! – сказал я. – Но то, что я делаю, это не копия... Это заметки для памяти!

– Всё равно! – строго проговорил хозяин. – Я бы попросил вас...

– Я не буду ничего записывать! – сказал я. – Я хочу заверить вас, что обязательно согласую с вами текст публикации, и еще... Если вы позволите, я дочитаю дневники...

То, что я безропотно убрал блокнот, смягчило моего собеседника.

– Ознакомьтесь... – сказал он. – Но у вас совсем немного времени. Через двадцать минут у нас начинается совещание.

Двадцати минут хватило, чтобы дочитать дневники.

Прощаясь, я спросил, почему не зашёл, как обещал, следователь?

– Или сейчас он тоже будет на совещании?..

– Да-да... – рассеянно ответил хозяин кабинета. – Вы позвоните ему, договоритесь о встрече.

Мы вежливо пожали друг другу руки, и я ушёл, совершенно точно зная, что больше сюда уже не попасть.

Впрочем, мысль эта тоже только скользнула в голове.

Осторожно ступая, я добрался до скамеечки в скверике напротив прокуратуры и принялся записывать в блокнот то, что прочитал в дневниках.

Сейчас можно было уже не сокращать слова, и у меня оказался исписанным весь блокнот.

Вечером в гостиничном номере я рассказал всю эту историю жене. Мне хотелось завершить рассказ хвастливым резюме, дескать, вот какой высокий класс настоящей журналистской работы я показал, но тут же подумал, что к журналистике, пожалуй, эта история и не имеет никакого отношения.

Не журналистский профессионализм, не журналистское везение действовало тут, а совсем другая сила...

28 мая 1993 года, Калуга

ДНЕВНИКИ АВЕРИНА

Дневники Аверина, повествующие о том, как дьяволу удалось овладеть его душой, начинаются в 1985 году...

Это тогда он услышал свист в ушах, а затем раздался отчетливый и сильный голос. Скоро от голоса уже невозможно стало укрываться, он мог возникнуть в любом месте, в любой момент.

Как пишет в дневниках сам Аверин, он раньше и не представлял себе, чтобы человека можно было так легко, против его воли, вызывать, будто по рации...

Случайно ли произошло это именно в 1985 году? В том самом году, когда к власти в нашей стране пришел ее главный реформатор и главный разрушитель – Горбачев?

Разумеется, совпадение случайное, но случайное – только на первый взгляд.

Кто из нас, очарованных жизнерадостностью, нестандартностью нового главы государства, не ощущал тогда в свежем весеннем ветерке, подувшем из Кремля, предчувствия перемен?

Но это тогда ожидание было радостным...

Сейчас, когда вспоминаешь те месяцы из разворванной и разрушенной страны, вспоминаешь, что и тогда уже порою безотчетное возникало ощущение странной тревоги, хотя ничего еще не предвещало невиданной по своим масштабам беды.

А предчувствия были, были...

Они нарастали, эти предчувствия. И одни ощущали их сильнее, другие слабее, третьи вообще заглушали тревогу эйфорией разговоров о грядущей демократии, но ощущали тревогу все.

Замечено было, например, что участились случаи самоубийств.

Я сам помню, как наш ленинградский прозаик Виктор Перепелка ушел тогда с писательского собрания в лес и там повесился на дереве среди распускающихся листьев, среди весеннего пения птиц. И что толкнуло его в черноту самоубийства, если не невыносимость предчувствия надвигающейся на страну катастрофы?

Ну а Аверин в 1985 году какое-то время пытался противиться возникающему в нем голосу, но скоро вынужден был оставить эти попытки, тем более что «голос» объявил себя Богом.

Случилось это в пустом доме.

«Ты знаешь, сколько у тебя грехов? – спросил «голос». – Ты будешь сейчас биться головой о стену, а я буду считать».

Аверин принялся стучать головой о стену, а «голос» считал, перечисляя, в чем виноват Аверин. Потом заставил сходить в туалет, а затем – съесть использованную бумажку...

Казалось бы, не требуется особой воцерков-

ленности, чтобы понять, что «голос» принадлежал не Богу, а вечному противнику Бога – Сатане, выдававшему себя за Бога. Но Аверин разобратся в этом не сумел.

Увы... Воспитанные в атеистическом равнодушии советской школы, мы лишены иммунитета к бесовству, души многих из нас подобны детям, которым не сделали прививку на корь, и потому они обречены этой болезни.

Подтверждает это не только то, что произошло с Николаем Авериным, но и то, что происходит со всеми нами. Словно морок какой-то напал на нашу страну, и многие ли из нас сумели разглядеть за красивыми словами «демократов» отвратительное обличье воров и мошенников, ненавистников и врагов православной России?

Наверное, успех Сатаны не был бы столь очевидным и, может быть, и не удалось бы ему всецело завладеть аверинской душой, если бы не оголтелая пропаганда чернокнижия и богоборчества, что нарастала в стране с каждым новым днем реформ.

Бесовщина всегда была, но всегда она существовала в подполье, под покровом ночи, тайно. Теперь же сатанизм в России начали проповедовать открыто, не укрываясь от света дня. День и ночь смешались в сознании многих наших соотечественников.

Снова и снова перечитывал я выписки из дневников Аверина и думал, что никакое следствие не сможет назвать подлинных виновников и организаторов его преступления, тех, кто открыто насаждал и продолжает насаждать безнравственность и вседозволенность, тех, кто хотя и не явно, но совершенно неотвратимо призывает к совершению подобных преступлений...

29 мая 1993 года, Калуга

СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ

Самое странное, что хотя в пасхальную ночь в Оптиной пустыни было множество людей, никто из них не разглядел убийцы.

Одна из паломниц вспомнила потом, что заметила, как кто-то черный, трясущийся мечется возле колоколов.

Зато другая женщина, остановившаяся как раз напротив звонницы, видела только, как упал вначале насквозь пронзенный мечом худенький инок Феропонт, а следом, через несколько мгновений, и инок Трофим. Продолжая держаться за веревку, привязанную к языку колокола, он привстал, еще раз ударил в колокол и повалился навзничь...

Стояла эта женщина совсем близко от звонницы, всё разглядела отчетливо, но убийцу и она не видела, словно он был в этот момент бестелесен...

– Видели вы ещё кого-нибудь на звоннице? – спрашивал потом у этой свидетельницы следователь.

– Нет... – отвечала женщина. – Больше никого не было...

Последнее слово инок Трофима, как утверждает эта женщина, было: «Спасите...»

– Спасите... – произнёс он и, привстав, еще раз ударил в колокол, а потом упал навзничь уже бездыханный.

И думаешь: о ком и о чём было последнее слово убиенного инок?

Ему ли, знающему, что умерший в светлую седмицу не проходит воздушных мытарств, а восходит, как безгрешный, прямо к Богу, было хлопотать о своём спасении? Ему ли, сподобившемуся мученического христианского венца в пресветлый праздник, было хлопотать о спасении на земле?

Так, может, не о себе самом и были последние слова отца Трофима, а о нас, о спасении тех, кто может погибнуть и не спастись, кто готов погибнуть и не спастись?

Наверное, это так и есть.

Мы все, всё наше общество оказалось беззащитным перед той аморальностью и вседозволенностью, которые принесла в нашу жизнь перестройка.

Всё искривилось и запуталось в нашей жизни.

Вспомните, как чуть не навзрыд плакал на трибуне Николай Иванович Рыжков, когда открылись какие-то злоупотребления с приватизацией его дачи. Но это было ещё в начале перестройки, а преемники Рыжкова – все эти заплывшие от жира и пьянства президенты, министры, мэры? Ведь ничего даже не дрогнет в их лицах, когда им прямо в глаза говорят, что они – воров и мошенники.

Разумеется, речь тут не про особняки, не про немислимые счета в иностранных банках, которых не было и не будет у большинства наших сограждан. Речь о том, что нынешние правители уже и не считают нужным скрывать своей воровской сущности и тем самым узаконивают свою подлость как норму жизни для всех нас.

Один из тележурналистов, комментируя очередной сюжет о коррупции в Кремле, досадливо воскликнул, дескать, говорите вы что хотите, осуждайте, возмущайтесь, но теперь только так и будет. В этом процессе можно участвовать самому, если хватит для этого способностей и талантов, но возмущаться бессмысленно...

Что же тут скажешь?

Только и остается повторить слова просившего за всех нас инок Трофима: «Спасите!»

Ибо здесь, в пасхальную ночь в Оптиной пустыни,

рассеянное в нашей жизни зло – та дьявольщина и сатанизм, к которым мы уже как бы и привыкли в мирской жизни, – сгустилось до черноты, материализовалось в страшное сатанинское действо.

И не в том ли и Промысел Божий, чтобы явственно показать нам пагубу того пути, по которому ведут нас враги Отчизны нашей? Чтобы явственно зазвучали в заблудших душах простые и ясные слова молитвы за Отечество: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам на сопровитивные даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство...»

Не в этом ли, в последнем его слове, произнесенном на земле, в молитве за нас инока Трофима, и заключено извечное посрамление Сатаны Богом...

29 мая 1993 года, Козельск

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Говорят, что к концу Света время будет убыстряться...

Если это так, то в нашей стране конец Света, похоже, уже наступил. За последние годы произошло столько событий, сколько раньше не вместить было и в столетия.

И мы видим, что в общественном сознании сработала защитная реакция, оно как бы отключается, делается бесчувственным к тем ужасам, что продолжают совершаться в России.

Внезапно смолкнувший в Пасхальную ночь звон колоколов в Оптиной пустыни услышала вся Россия. Но прошло несколько недель, и интерес к этому событию не то чтобы пропал, а как-то деформировался.

Я думал об этом, когда смотрел на стену монастыря, на белой известке которой отпечатались рифленые подошвы адидасовских кроссовок.

Нет, это не убийцей, который, судя по его показаниям, где-то здесь перелезал через стену, оставлены эти следы. Это следы самого Сатаны, который легко, между делом, подвигнул на сей «подвиг» скачущих туристов из московского автобуса.

Что, казалось бы, дивного для нас, живущих в больших городах, в этих отпечатках подошв на стене? Господи! Такое мы видим ежедневно на стенах наших жилищ, в подъездах наших домов. Об этом, и не только об этом, а о той новой городской культуре с ее искусством прилепить к трехметровому потолку горящую спичку или оставить на том же потолке – бывает и такое! – отпечаток своей подошвы, наверное, можно написать целую книгу. Умение как-то особенно безобразно и гадко проявлять себя культивируется нашим телевидением, и сколько денег уже потрачено на то, чтобы внедрить в сознание людей естественность такого

самовыражения и какую-то особую, эстетическую значимость подобных проявлений.

И нельзя сказать, что телевидение напрасно тратит народные деньги. Безусловно, многого уже удалось добиться. Мы уже и не обращаем внимания на такое самовыражение.

Может быть, только узнав, что ради шутки – это тоже часть городской нынешней культуры – переломали ребра какому-нибудь нашему знакомому, и начинаем возмущаться, но ведь и тогда ненадолго. Жаль, конечно, человека, но что же говорить, ведь так сейчас везде...

Но это в городе, а здесь, вблизи свежих могил убиенных иноков, к следам адидасовских подошв на белой стене монастыря привыкнуть было труднее.

Такое ощущение, что удаль свою демонстрировал здесь не какой-то заскучавший юнец, а сам Сатана. И не удаль, не удаль, конечно, а безобразное торжество свое над добром, мудростью и красотой!

И звонкий, замирающий от восторга голосок девушки-экскурсовода, перечислявшей, сколькими видами восточных единоборств владел Аверин, тоже заставлял задуматься.

Для этой девчушки, как и для экскурсантов, столпившихся у помоста звонницы, на котором белели свежие доски, вставленные взамен обгаренных кровью иноков, убийца был, кажется, почти героем.

Нет, наверное, никто из туристов, на которых смотрел я, как, впрочем, и сама восторженная экскурсоводша, не были ни злодеями, ни сатанистами.

Другое дело, что эти люди не научились различать Свет и Тьму, Добро и Зло...

Другое дело, что замороченными душами этих людей Сатана смог бы так же легко завладеть, как и душой Аверина, и превратить этих людей в своё слепое орудие...

30 мая 1993 года, Козельск

АРЕСТ САТАНИСТА

Вчера Марина не успела причаститься и сегодня ушла на раннюю обедню, а я отправился в Козельский райотдел милиции, чтобы записать рассказ Николая Петровича Зобова о том, как он арестовывал Аверина.

В Козельской милиции о случившемся узнали в 6 часов 25 минут 18 апреля. По тревоге был поднят разъехавшийся по домам личный состав. Примерно через час выставили кордоны на дорогах.

Тогда же был задержан Александр Карташов, бомж, проживавший в монастырской кочегарке. Его и заподозрили поначалу. Тем более что документов у Карташова не было, а наколки на руках свидетельствовали об уголовном прошлом их обладателя.

А убийца, пробираясь через лес, уже миновал все ближние и дальние периметры оцепления и приближался к хутору деревни Орлинка.

Здесь он зашел в дом лесника и потребовал еду.

Вид его был страшен. Горящие глаза, изорванная – пока он пробирался по лесным зарослям, оторвался рукав рубашки – одежда...

Хозяева от страха замешкались, и Аверин выстрелил в пол из обрез.

Потом схватил кусок хлеба, сало и выбежал из дома.

После его ухода хозяева сообщили в милицию. Сразу же в Орлинку выехала следственная группа, был сделан на основании показаний фоторобот.

Когда начальник Козельского райотдела милиции Николай Петрович Зобов увидел привезенный портрет, он сразу узнал своего подопечного, с отцом которого он к тому же находился в неплохих отношениях.

Уже вечером была разослана ориентировка:

«По подозрению в совершении тяжкого преступления органами внутренних дел разыскивается Аверин Николай Николаевич, 13 июня 1961 года рождения, житель деревни Волконск Козельского района, Калужской области.

Приметы: рост – 165, худощавого телосложения, плечи опущенные, волос темный, короткий, лобное и височное облысение, уши большие, оттопыренные, носит бороду светло-русую, 3-5 см длиной, лицо треугольное, лоб высокий, брови темные, прямые. Просим граждан, знающих местонахождение, сообщить в Козельский РОВД или ближайшее отделение милиции».

После того как была отправлена эта ориентировка, пришли данные экспертизы: один из отпечатков на мече принадлежал ранее судимому Николаю Аверину.

Были устроены засады, но убийца нигде не появлялся.

Уже после он сам расскажет, что из деревни Орлинка ушел пешком в Тульскую область, где в Суворове совершил кражу с дачи, и оттуда на автобусе доехал до Калуги, в Калуге две ночи провел в заброшенном доме, а потом пешком отправился в Козельск.

В Козельске Аверин пришел к тетке, которая жила в своем доме на улице Победы, в восемь часов утра. Сразу позвонил домой отцу и попросил приехать, потом поел и лег спать.

Брать убийцу в уже оцепленный милицией дом номер пять на улице Победы отправился сам Николай Петрович Зобов со своими заместителями.

Аверин спал за занавеской, и, приподняв ее, Зобов увидел стоящий возле кровати обрез. Все

звуки, как вспоминает он, казались оглушительными. Громко закричала половица, и Зобов, испугавшись, что этот звук разбудит убийцу, шагнул к кровати. Он просто лёг на Аверина, придавливая своим – сто двадцать килограммов – весом, сверху навалился заместитель, который схватил преступника за запястья, и через всю эту кучу-малу перегнулся второй заместитель и схватил стоящий возле кровати обрез.

– А жаль... – открыв глаза, сказал Аверин.

Сразу, как только его доставили в милицию, он начал давать показания.

Признавшись в совершенном преступлении, он сказал, что тринадцатого и пятнадцатого апреля тоже приходил в монастырь с мечом и обрезом, но тогда совершить преступление не решился.

По словам Аверина выходило, что свое преступление он рассматривает как важный момент в борьбе Дьявола с Богом.

– Если бы я не совершил этого, мы проиграли бы войну... – сказал он.

При обыске в доме Авериных нашли изрубленную топором Библию...

31 мая 1993 года, Козельск

ШАМОРДИНСКАЯ БЕСЕДА

Я уже записал рассказ Николая Петровича Зобова и собирался уходить, когда тот неожиданно спросил, чем он еще может помочь мне.

– Спасибо, – сказал я. – Я в общем-то все посмотрел здесь. Жаль только, что мне не удалось Шамординский монастырь посетить! Сегодня уже не будет автобуса... Ну, ничего, даст Бог, в другой раз побываю.

Николай Петрович засопел и собрал со стола документы. Потом встал.

– Поехали, – сказал он.

Забрали в гостинице вернувшуюся из Оптиной пустыни Марину и поехали на милицейском газике – Николай Петрович за рулем! – в Шамордино.

В середине девятнадцатого века здесь находилось поместье Василия Полиевктовича Калыгина, который однажды увидел в облаках над своим домом дивный храм, наполненный ангельским пением. Когда Василий Полиевктович рассказал о видении преподобному Амвросию, тот уговорил богатую помещицу Ключареву приобрести Шамордино для своих малолетних внуков. Ключарева так и сделала и попросила старца руководить строительством в Шамордине нового дома...

Говорят, что самой Ключаревой построенный по плану старца дом не понравился – несуразно большой зал занимал всю восточную сторону здания, а комнаты, предназначенные для внуков, бы-

ли построены дверями в коридор, изолированно друг от друга...

Эта странность планировки разъяснилась после скоропостижной смерти маленьких владелиц Шамордино – это он и был, его доброта, его сердечное тепло, его просветленная, прозревающая будущее мудрость...

Старец Амвросий любил бывать здесь. Ведь Шамордино – это он и был, его доброта, его сердечное тепло, его просветленная, прозревающая будущее мудрость...

Деревянный домик кельи, где останавливался старец, а потом и опочил вечным сном, монахини бережно укрыли в каменные стены, соединив эту пристройку с игуменским корпусом.

В семнадцатом году Шамордино постигла участь всех православных обителей...

Монахинь выгнали, а в здешних кельях начала устраиваться молодая и хамоватая советская жизнь. Последнее время в Шамордино размещалось СПТУ, и в наследство монахиням остались полуразрушенные здания да еще заржавевшие, искореженные сельхозмашины.

– Много чего нам осталось... – рассказывала монахиня, которая проводила для нас экскурсию. – Комбайн в алтаре нашли, когда мы сюда приехали.

После экскурсии мы хотели проститься, но монахиня сказала, что с нами хотела бы побеседовать нынешняя настоятельница обители – мать Никона.

Разговор с настоятельницей шел и о повседневных заботах обители, о том, что надо бы пробурить скважину, а то ведь водонапорная башня уже столет работает, проржавело там все, недавно вообще вода перестала идти. Перепугались тогда: насос шумит, а воду не качает, оказалось, лягушка в него попала. Ну да что тут поделаешь, если и на водонапорной башне уже деревья растут, а без водопровода никак, чернобыльское облако накрыло и Шамордино...

Печалилась матушка Никона и о том, что в кельях и сейчас еще продолжают жить посторонние, не имеющие отношения к монастырю люди, которым переселяться из монастыря некуда, а в игуменском корпусе работает обычный магазин, где торгуют и водкой. И никакие просьбы монахинь прекратить хотя бы продажу спиртного в расчет не берутся. В пристройке, где келья святого Амвросия стояла, подсобка сейчас.

– А сама келья?

– Келью давно, когда монастырь закрыли, разобрали и продали в деревню, теперь она там вместо избы стоит. Жила в этой избушке старушка

хорошая – бабка Шура. Она и крест, принадлежавший Амвросию, в монастырь передала, и насчет кельи бы с ней уж как-нибудь договорились бы, но провели об этом родственники бабки Шуры, увезли старушку в город, сдали в дом престарелых, и с кем теперь говорить?

– А хорошо было бы келью вернуть, храмик сделать... – с грустью проговорила матушка Никона. – Да как? Кому теперь эта келья принадлежит? Монастырю? Родственникам бабы Шуры?

– Наверное, всей России? – предположил я.

– Да, – согласилась настоятельница. – Всем православным... Для всех православных она святая...

И как-то естественно от святости, превращенной в предмет торга, перешел разговор на то, что случилось в Пасхальную ночь по соседству.

Убитых иноков матушка знала и любила.

– Это жертва в очищение наших грехов... – сказала матушка Никона. – Тут тайна великая есть. Один Господь все знает...

И она заговорила, что известно ведь – в этом году Благодатный Огонь, который получал нынче на Пасху Иерусалимский патриарх Диодор, сошел очень быстро, но едва понесли его, как оба факела – каждый сложен из тридцати трех свеч – потухли.

– Знамение Божие... – вздохнула матушка Никона и снова заговорила о монастыре, о монастырских заботах, об овраге, что уже вплотную подобрался к стенам Казанского собора, о невысказанной дороговизне – только четырех человек и смог нанять монастырь для неотложных работ на кровле – где же тут быстро восстановишь храм?

– По грехам нашим и идет так, – заключая рассказ о монастырских горестях, сказала матушка. – Плохо, видать, молимся...

Я попытался предельно точно воспроизвести последовательность разговора, но это не удалось, потому что информативная сторона в нем не была главной.

В общем-то, нетрудно догадаться, почему матушка Никона решила побеседовать с людьми, которые приехали на милицейской машине с начальником райотдела милиции за рулем.

И, наверное, это и определяло общее направление беседы.

Но помимо административно-хозяйственных проблем, о которых шла речь, я постоянно ощущал в словах настоятельницы какую-то особую ясность и теплоту. Более того, по мере разговора – необъяснимо откуда! – росла уверенность, что восстанут в прежнем величии обезображенные руины собора, что не проглотит его подползающий к монастырю овраг, что уберут отсюда магазин, торгующий водкой, что не станет дачным домиком келья

преподобного старца, а возвратится на свое место... И так будет не только в монастыре, но и по всей России! И еще по мере разговора росло ощущение, что эта беседа крайне важна мне для того очерка, который я собираюсь написать.

Прощаясь, я сказал об этом матушке Никоне.

– Так я ведь для этого вам и рассказывала все...
– сказала она.

31 мая 1993 года, Козельск

ПРОРЫВ В АРХИВ

Теория парных событий, которую я придумал, похоже, применима не только к политической жизни, но и к событиям частной жизни.

В самом деле...

Так подфартило в Калужской прокуратуре с дневником Аверина, но в Москве подобная история повторилась, только в более крутом варианте.

Уже несколько месяцев хлопотал я, чтобы посмотреть дела, связанные с расследованием убийств М.М. Володарского и М.С. Урицкого. Это необходимо было для работы над моей «Каморной народной расправы»...

Но даже Евгений Лукин, который так помог мне с материалами в питерском архиве, тут только развёл руками, объясняя, дескать, эти дела ещё в 1919 году переданы в Москву и с тех пор никто их не видел...

Однако еще по пути в Калугу я написал в Московское управление Министерства безопасности Российской Федерации заявление с просьбой допустить в архив, присовокупив, как и положено, ходатайство журнала, и оставил все это на Лубянке.

И что же?

Возвращаясь в Питер, для порядка позвонил, рассчитывая услышать отказ, но мне объявили, что я могу знакомиться с материалами.

Посадил Марину на поезд, а сам задержался в Москве.

Думал управиться за день, но когда на Лубянке мне привезли на тележке двадцать три тома, я понял, что был неправ.

– Можно я через неделю вернусь и начну работать с материалами? – спросил я.

– А зачем? Вы же сегодня здесь! – несколько обескураженный такой наглостью, сказал мне сотрудник, которого прикрепили ко мне. – Сегодня и работайте...

– Но я же не успею за день ничего...

Насилу уговорил...

3 июня 1993 года, Москва

УБИЙЦЫ ДЕМОКРАТИИ

Пишу очерк об убийстве монахов в Оптиной пустыни и почти не слушаю новостей. Да и зачем? Там какая-то непонятная и грязная возня с Конституцией.

Непонятная потому, что самое страшное сейчас не только для России, но и для самих демократов, которые так не любят Россию, – Ельцин и его Конституция, за которую так ратуют они.

Ведь это конец им! Конец всякой, и их тоже, демократии в России.

Получается, что наши демократы сами и убивают демократию...

10 июня 1993 года, Санкт-Петербург

ТОМА, НАБИТЫЕ ТАЙНАМИ

Написал очерк «Трагедия в Оптиной пустыни» и снова поехал в Москву.

Там, слава богу, ничего не изменилось.

До меня, как явствовало из записи на клеенном квиточке, дело об убийстве Володарского (вернее, несколько страниц из дела) смотрел следователь НКВД в 1938 году, а дело об убийстве Урицкого не показывали и следователям.

Похоже, к счастью для них.

Спасенное из костра следователем Э.М. Отто дело об убийстве М.С. Урицкого было набито такими тайнами, жить с которыми в нашей стране в те годы не полагалось.

Сейчас другое время...

Два дня я работал в кинозале, где уже бывал с покойным режиссером Алексеем Александровичем Салтыковым, смотрел власовскую кинохронику...

Потом кинозал кому-то понадобился, и меня устроили в пустующем кабинете.

Ну, а самое необычное место мне отыскивали в последний день.

После долгих и каких-то весьма странных переговоров мой куратор провел меня через весьма просторный зал заседаний с гигантским овальным столом, в небольшой кабинет, сохранивший старинную лепнину еще времен страхового общества «Якорь».

Работы у меня было много, и изучать обстановку помещения было недосуг – сразу углубился в чтение дела.

Нелегкое это занятие – читать чекистские дела 1918 года...

И в Питере тяжело было, и здесь, в Москве.

Но такой тяжести, как в последний день, я еще не испытывал. Вечером, прощаясь с куратором, я пожаловался ему на это.

Куратор не удивился...

– Это место такое... – сказал он.

– А что это за место?!

– А вы разве не поняли?! Это же Феликса Эдмундовича Дзержинского кабинет... Тут и Ягода сидел, и Ежов, и Берия...

Проведя целый день в кабинете Лаврентия Павловича, я вначале воспринял это известие с этакой фельетонной легкостью. Дескать, если некуда человека пристроить, в нынешнем Министерстве безопасности, то ведут его теперь на место Лаврентия Павловича Берии, пускай там сидит...

Но в сутолоке московского метро тяжелый дурман в голове рассеялся и простая и ясная явилась мысль, что не о фельетоне тут надо рассуждать, а о мистике этого страшного учреждения.

Действительно, ведь, если разобраться, это не куратор мой в сутолоке и неразберихе нынешнего КГБ-МБ выбрал такое место, а само «дело», которое я изучал.

Тома, набитые такими тайнами, и нельзя смотреть в другом месте. Нынешние сотрудники могли и не понимать этого, но само «дело» это понимало. Поэтому оно само и легло на стол, принадлежавший главным палачам нашей страны.

Ну а то, что за этим столом оказался я, это действительно фельетон...

18 июня 1993 года, Москва

ВКУС СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Пока я сидел в кабинете Лаврентия Павловича Берии на Лубянке, в Кремле началась работа Конституционного совещания, собранного по указу президента РФ.

«Советы и демократия – несовместимы!» – объявил Борис Николаевич Ельцин, открывая совещание. Председателя Верховного Совета Руслана Имрановича Хасбулатова свистом согнали с трибуны, и гордый чеченец ушел с заседания.

А вот другой гордый чеченец генерал Джохар Мусаевич Дудаев никуда не ушел. Он просто взял и с чеченской простотой расстрелял депутатов грозненского городского собрания.

Об этих новостях рассказал мне в купе поезда попутчик.

– Такие вот дела... – сказал он, выставляя на стол бутылку водки, на этикетке которой был изображен Борис Николаевич Ельцин. – Не желаете присоединиться?

– Если только попробовать...

Попробовал. Водка оказалась весьма паршивого качества.

– Н-да... – сказал попутчик. – Два года назад я точно так же купился. Водку «Горбачев» взял в киоске... Такое же г... попало!

Я кивнул, вспоминая, что и мне с «Горбачевым»

не везло. Тоже, как мой сосед выражается, «г...» попало...

19 июня 1993 года, поезд Москва–Петербург

ЛЕТО В ГОРОДЕ

Хожу в Большой дом, читаю дела о заговоре в Михайловском училище и о крестьянских волнениях в Новолодожском уезде.

Пишу главу «Каморры народной расправы» «Он убивал, будто писал стихотворение» о Леониде Каннегиссере.

Ездил на свой дачный участок, дабы придать ему, как требует руководство кооператива, «обитаемый» вид. Копал грядку. Возил с соседкой Лилей Максимовой торф.

Сегодня возвращался из «Костра» и встретил у рюмочной Александра Александровича, нашего куратора из бывшего обкома КПСС. Он работает сейчас в банке, но выпивает, как и прежде, в рюмочных.

Совершили с ним экскурсию по окрестным забегаловкам.

25 июня 1993 года, Санкт-Петербург

ТЕПЕРЬ В РОССИИ

Уже три дня живу в Вознесенье.

Разбираю архивные заготовки и пишу повесть «Каморра народной расправы».

Еще катаюсь на лодке.

Сегодня на Свири, напротив лесозавода, встретил Веню Ферапёنتова.

Перегнувшись в лодке, он сосредоточенно выставлял перемёт.

– А что? – спросил я, поздоровавшись. – Теперь разрешают перемётом рыбачить?

– Так если спрашивать, может, и запретят... – ответил Веня. – А если не спрашивать, что же? Лови на здоровье.

– Ну да, – согласился я. – Но раньше, вообще-то, все равно штрафовали.

– Так это еще в эсэсэсэре было... – усмехнулся Веня. – А мы теперь в России живем. А в России у нас все можно!

Очень верно это заметил. Теперь в России, когда Борису Николаевичу Ельцину новую Конституцию написали, действительно все можно...

И не только Борису Николаевичу!

17 июля 1993 года, Вознесенье

ГДЕ ТЕПЕРЬ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

– Раньше-то дураки, Микола, были...

– Чего же так?

– А воров, глупые, ругали!

– Ну и что? С какой стати воров хвалить?

– Так ведь теперь, говорят, только возле их и можно прожить. У нас-то, в деревне, воров меньше, чем в городе, вот и пропадаем с голоду. А у вас в городе, слава богу, хватает их... Вот вы и живете получше... Возле воров-то чего же не жить?

20 июля 1993 года, Вознесенье

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОСЕЛКОВОГО СОВЕТА

Ходил в поселковую библиотеку за газетами.

Заодно зашел в поселковый совет поговорить об оформлении в собственность нашего земельного участка.

Там познакомился с его председателем Русланом Яковлевичем Гириным.

На столе у него увидел свежий номер «Народной правды».

– О! – сказал я. – И сюда эту газету привозят?

– Я выписываю «Народную правду!» – сказал Руслан Яковлевич, делая ударение на местоимении.

– Здорово! – восхитился я. – А я, между прочим, там заметки печатаю...

– Какие же это заметки, Николай Михайлович... – сказал Гирин. – Это замечательные очерки, и я всегда жду их...

Еще более растрогал меня Руслан Яковлевич, когда тут же отправился со мною, чтобы произвести осмотр приватизируемого участка.

22 июля 1993 года, Вознесенье

ЗАВЕРШЕННАЯ КНИГА

Вчерне закончил книгу о 1918-м, самом коротком в мире годе. Объем книги – десять листов.

Вроде теперь и финал есть.

Нет только названия.

«Каморра народной расправы», конечно, не название...

25 июля 1993 года, Вознесенье

НЕНАЧАВШИЙСЯ РОМАН

Как-то неправильно я пишу, не так, как принято.

Перебираю разные бумажки, листаю записные книжки, пока что-то не соединится, пока не вспыхнет огонек, из которого и появится будущий рассказ или роман.

И героев я не придумываю.

Характер героя тоже нащупываю в словечках и деталях, рассыпанных по записным книжкам.

Поэтому и работа с характером героя идет изнутри, делая ненужным описание внешности героя, его одежды...

Сегодня сложил в папки материалы завершенной «Каморры народной расправы», развязал папки с другими материалами и долго перебирал

их, пока не начали мерещиться очертания нового романа.

Окончив школу, приезжают в Ленинград молодые люди...

Отучившись в институтах, отмучившись в лимитных общагах, устраиваются они в городе. Здесь нет у них старшего поколения, и они как бы и не понимают, как надо жить, живут как им удобнее.

И застревают в этом возрасте, не взрослеют...

Долго сидел, прикидывая характеры героев, сюжетную линию...

Потом сообразил, что работа над этим романом займет не меньше двух-трех лет, и начал собирать исписанные листочки в папку.

Прочно завязал ее и отложил в сторону.

26 июля 1993 года, Вознесенье

ДЕДУШКИНО ОЗЕРО

Завершается кампания по изъятию из обращения купюр достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 100, 200, 500, 1000 рублей образца 1961–1992 годов.

Обмену подлежат 35 000 рублей в одни руки. У нас всего 30 000 рублей, подлежащих обмену, но и для нас это проблема. В сберкассе очереди.

Борис Николаевич Ельцин никому не дает соскучиться.

Ездили на веслах в Карнаволоку за черникой. Оказалось и далеко, и тяжело для нашего возраста.

Но потом вспомнилось: мама несколько лет, пока у отца были проблемы в школе, возила сюда, в Чашобу, молоко на продажу. И тоже на лодке, на веслах. И было ей примерно столько же лет, как и нам сегодня.

Вечером написал рассказ «Дедушкино озеро».

Первый после таких долгих занятий историей и публицистикой.

27 июля 1993 года, Вознесенье

КОМАРИНЫЕ НОЧИ

Позвонила теща. Сказала, что пришло из дачного кооператива письмо.

«На основании Устава КСТ «Антракт» (ст.21) за неосвоение предоставленного Вам участка №218 свыше 3-х лет (истекли 5 лет) извещаем Вас о том, что Вы решением конференции и правления исключены из числа членов садоводства. Вам в двухнедельный срок необходимо сдать книжку садовода и получить индексированную компенсацию за свои взносы».

Ну вот... Опять проблемы. Оказывается, грядки недостаточно для «обитаемости» участка. Надо что-то строить, а что построишь, если мы за полцены продали и сруб, и доски.

Распсиховался до невозможности и, только когда сел за работу, успокоился.

Уже ночью закончил рассказ «Комариные ночи».

30 июля 1993 года, Вознесенье

ПАРОВОЙ ОКУНЬ

Приехали Лебедевы с Валерием Павловичем Ивановым. Сегодня ездили на рыбалку.

Идет паровой окунь.

Ровная гладь озера. Большая луна над озером. Настоящий север...

Сквозь эту северную тишь и неслась наша моторка. И справа, и слева, и сзади, и впереди нас – тоже мчащиеся вперед моторки.

Но вот остановилась одна, а возле нее другая, третья, и через несколько минут черно стало на озере от лодок...

Несколько минут сосредоточенно смотрели мы на неподвижные поплавки, но вот снялась с якоря одна моторка, потом другая и через несколько минут никого не осталось на прежнем месте, снова понесли моторки по озеру неведомо куда.

Зато когда мы попали на окуня, сразу начался какой-то сумасшедший клев.

Не успеешь закинуть удочку, и сразу тонет поплавок. На крючке – огромный окунь.

Около часа продолжался клев, но нам хватило и этого времени. Ведра четыре парового окуня наловили.

3 августа 1993 года, Вознесенье

Глава пятая

СВОБОДА, УТОПЛЕННАЯ В КРОВИ

КОГДА СУДЬБА ОТПУСТИТ НАС...

Вчера ездили на маяк.

Как рано стала холодной вода в озере!

Вечером, чтобы не простудиться, выпили с Валерой и всю ночь играли на веранде в шахматы. Так невыспавшийся и поехал утром с Ивановым на машине в Питер.

Иванов всю дорогу зачем-то включал мне песни:

*И он наступит, этот час,
Когда судьба отпустит нас
На все четыре вольных стороны...*

– бился в динамике голос Игоря Талькова.

8 августа 1993 года, Санкт-Петербург

КООПЕРАТИВ

Ходил в «Народную правду», получил жалованье, но кроме бухгалтерши никого не увидел, все в отпуске – газета не выходит.

Читал в библиотеке стихи Леонида Каннегиссера, потом поехал к сестре Саше организовывать кооператив по продаже нашего дачного участка. Идея такая: они входят в долю со своим сараем, который построят на нашем участке.

Лебедевым идея понравилась.

Кажется, это первый кооператив, который мне удалось организовать.

Даст бог, что и последний...

10 августа 1993 года, Санкт-Петербург

НАВЕРХ ВЫ, ТОВАРИЩИ, ВСЕ ПО МЕСТАМ

Вчера с утра доделывал «Каморру народной расправы» для Евгения Лукина, который обещает показать ее издателю. Решил назвать книгу «Расправа над Россией», но это название – тоже не фонтан.

Вечером поехал с Лукиным к Николаю Федорову встречаться с издателем. Издателем оказался Анатолий Бузулукский.

И, конечно, все кончилось пьянкой. Очнулся уже в ресторане-«поплавке», где мы пытались спеть с Бузулукским песню «Наверх вы, товарищи, все по местам!».

Оказалось, что Бузулукский решил печатать мою «Расправу над Россией».

– Почему «Расправу над Россией»? – спросил я.

– У меня повесть иначе называется...

– Ну и что? – сказал Бузулукский. – А мы все равно «Расправу над Россией» напечатаем!

– Но повесть же «Гибель красных Моисеев» на-

зывается! – сказал я и сам удивился, как это я удачно повесть назвал.

– Не! – помотал головой Бузулукский. – «Гибель красных Моисеев» нельзя. «Расправу над Россией» будем печатать...

И, обнимая меня, он запел:

*Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимаю...*

Мне бы еще хотелось поговорить о названии книги, но не хотелось и от песни отставать.

*Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая...*

– неслись над невской водой слова «Варяга».

14 августа 1993 года, Санкт-Петербург

ЧАЙ С СОРНЯКОМ

Вчера сумел погрузить на автобус к Коршунову наш старый холодильник и вместе с ним уехал в Вознесенье.

Сегодня утром пришел налегке в свой солнечный и светлый вознесенский дом. Там только Марина, и тоже – солнечная, светлая.

Вечером пошли к Нине.

Холодильник ей понравился, и она купила его за 55 000 рублей, так что мы теперь при деньгах.

Сидели, пили чай. Нина даже раскраснелась от удовольствия, так ей понравилось, что холодильник зять – не зря он на рейсовом автобусе работает! – привез.

– Душистый какой чай! – похвалил я.

– Так я сорняка добавляю в него! – сказала Нина.

– Какой же это сорняк? – удивилась Марина. – Это, кажется, мята...

– Мята, конечно... Только я называю ее сорняком, чтобы соседки не знали. А то все собирать станут, чего самой останется?

15 августа 1993 года, Вознесенье

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

С утра пишу рассказы, потом еду на рыбалку.

Такая вот патриархальная жизнь.

Но вчера застудил спину на рыбалке и сегодня едва смог встать, когда пришел Руслан Яковлевич Гиринов. Он прочитал мой очерк про Бакулина и рассказал массу дополнительных подробностей.

А вечером из своих Курвошей приехал Анатолий Стерликов – весь в камуфле, фуражке и с нагайкой в руках.

Оказывается, ему надо купить билет на автобус на 30 августа.

– А тебе в такой форме продадут билет? – спросил я. – У вас, в Курвошах, все так ходят?

– А ты приезжай... – сказал Анатолий. – Сам увидишь.

Билет он купить не смог и остался ночевать у нас...

18 августа 1993 года, Вознесенье

ТВОЯ ЖИЗНЬ

Здесь, в Вознесенье, и река, и лес – все рядом...

Выйдешь из дома – солнце в тучу садится. Прикидываешь, что завтра дождь будет. Это хорошо, земля совсем сухая...

И от того, что рядом земля и небо, как-то спокойнее думаешь о смерти.

Сегодня работал с утра, а в два часа поехал в зареку.

День солнечный, лес веселый...

Сама собою начала шептаться молитва «Богородице, дево, радуйся».

И вот – не было грибов, а тут пошли, «повалили», как у нас, в Вознесенье, говорят...

Насобирали под молитву почти целую корзинку крошечных, с пяточок, волнушек.

Когда шел обратно, думал, что так и надо жить: рыбу ловить, грибы собирать, ягоды, книги писать, а все остальное, вся городская суета, это не для меня...

23 августа 1993 года, Вознесенье

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Отпраздновал свой 44-й день рождения.

Гостей никого не звали. Пришли только Нина с Витей.

Выпили с ними, начали петь песни, Витя стал засыпать и ушел, а следом за ним и Нина.

Ну а мы с Мариной еще долго сидели на лавочке под окнами, смотрели на огни на ночной Свири, и я думал о своих книгах, и тех, которые надо доделать, и тех, которые еще предстоит написать.

Чем все-таки хорошо для меня нынешнее время?

Я очнулся... Начал думать, как и положено думать зрелому человеку. Теперь уже не очень и хочется писать просто так, только чтобы посмотреть, что получится.

Теперь надо писать то, что ты и должен написать...

25 августа 1993 года, Вознесенье

В ЩЕМЯЩЕМ РУБЦОВСКОМ ПЕЙЗАЖЕ

Сегодня приехал – он все никак не купит билета! – Стерликов.

Дал ему уговорить себя поехать в Курвоши в баньку.

В Оште долго ждали автобуса, который должен

был ехать за пастухом, наконец двинулись в путь, в щемяще-рубцовский пейзаж.

Темные ельники, вызолоченные осенью осино-вые перелески, пологие склоны холмов, огороды, внизу речка, на ее берегу черная банька. Тучи здесь тоже черные и очень тревожные, идут низко, почти задевая за крыши покосившихся изб.

Но самым замечательным в Курвошах оказались местные старушки.

Пока мы осматривали картофельные плантации Стерликова, пока я копал себе картошку и собирал черемуху, так никто и не показался из местных обитателей.

И потом, когда Стерликов протопил баньку и я отправился париться, тоже никого не было видно. И когда я выскакивал, напарившись, чтобы окунуться в речке, тоже никого не приметил, кроме вороны, бродившей в траве неподалеку от бани.

Зато когда вернулся в избу, Стерликов сразу сообщил мне, что соседки приходили, интересовались, чего его гости голыми по деревне бегают.

Только восхититься и оставалось зоркостью здешних неуловимых жительниц.

Ведь, чтобы увидеть, как в щемящем рубцовском пейзаже пробегал я те несколько метров, что отделяют баню от реки, надо было глаз не отрывать от бани все время, пока я там парился...

27 августа 1993 года, Курвоши

ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ

Возвращаясь из Курвошей, стоял в Оште на остановке, слушал, как рассказывала пожилая женщина о смерти своего мужа...

«С утра он за водой сходил, потом в магазин сбегал, хлеба купил.

– Отдохни! – говорю.

А он головой качает.

– В магазин, – говорит, – курево привезти должны. Я очередь занял.

– Да навошто папиросы тебе, если не куришь?

– А участок вспахать или еще что?

В общем, убежал... Уж не знаю, чего стоял, а принес домой два кило пряников.

– Полежи! – говорю, а он баню пошел затапливать.

Так и пробегал весь день. Потом уже, когда почтальонша журнал «Знание–сила» принесла, сел почитать. И недолго и сидел-то. Встал вдруг и ко мне идет.

– Худо, – говорит, – Мария...

И сразу оседать стал. Я его подхватила, да куда же удержать-то, только на себя завалила и под него и упала сама. Уж не помню, как выползла. Побежала к соседу.

– Звони! – говорю. – В скорую! У меня мужик умерши!»...

Женщина закончила эту грустную историю и утерла слезинку, выкатившуюся из глаз.

– Дак чего, – спросила подруга. – Сердечный приступ был?!

– Не... – покачала головой женщина. – Удар. От сердечного приступа у меня первый муж умерши. Дак весь почерневши был. А этот – нет, белый помер. Но тоже, как и тот, на бегу...

– Ишь как... – посочувствовала подруга и вздохнула тяжело. – Такая жизнь стала, что и помереть толком некогда...

28 августа 1993 года, Ошта

ОДИННАДЦАТЬ ЧЕМОДАНОВ РУЦКОГО

Назначение вице-президента Руцкого на борьбу с коррупцией не завершилось, оказывается, одиннадцатью чемоданами компромата на Егора Гайдара, Владимира Шумейко, Анатолия Чубайса, Геннадия Бурбулиса, Михаила Полторанина, Александра Шохина, Андрея Козырева, которые Александр Владимирович еще в начале лета передал в прокуратуру.

Чемоданы эти аукнулись самому Руцкому...

Вчера указом Бориса Николаевича Ельцина были отстранены от должности и первый вице-премьер Владимир Филиппович Шумейко, и вице-президент Александр Владимирович Руцкой, «в связи с ущербом, который нанесен и наносится государственной власти в результате взаимных обвинений в коррупции».

Мотивировка ошеломляет.

Большой ущерб государственной власти наносит не сама коррупция, а «взаимные обвинения в коррупции»!

Хотя, если разобраться, для нынешней власти, устроенной на разворовывании страны, это, наверное, так и есть.

Не зря ведь считается, что воровать лучше всего ночью, в темноте и тишине.

2 сентября 1993 года, Вознесенье

ПРОБУЖДЕНИЯ

Закончил переделку «Гибели красных Моисеев». Осталось только перепечатать вставки в третьей части.

Чем все-таки хорошо для меня и для всех нынешнее время?

Я очнулся и вдруг увидел то, что раньше не замечал, не видел, начал думать о том, о чем раньше и не задумывался...

Может быть, это связано с возрастом, а может быть, и скорее всего, с теми событиями, что происходят сейчас в нашей стране.

Сейчас многие пробуждаются...

7 сентября 1993 года, Вознесенье

ВСПОМИНАЯ СТАРЫЕ СНЫ

Вспомнился старый, года три назад, приснившийся сон...

Россия... То ли местность с птичьего полета, то ли карта, только очень крупная и подробная. И на нее сетка наброшена... А ветер все сильнее дует, сетка шевелится, но сорвать ее ветер не может, потому что сетка повсюду придавлена памятниками и бюстами Ленина.

А сними их, и опали бы пути, унёс бы ветер эту страшную сеть, в которую попала наша страна.

Как просто всё казалось ещё три года назад...

Теперь сети на России вместо бюстиков Ленина чемоданами Руцкого придавлены.

10 сентября 1993 года, Вознесенье

УГОЛОВНАЯ ЭПОПЕЯ

Этот парень в солдатской куртке прибил к нам, притащив на продажу полведра клюквы.

Зачем нам покупать клюкву, если мы сами собирались ехать с ночевкой в Жабенец собирать ее? Куда нам еще клюква?

Я попытался объяснить это клюквоноше, но он не прост оказался.

Как-то простодушно и доверчиво поведал, что хотя и не виноват ни в чем, но его ловит милиция. Ему и не уехать из поселка – милиционеры проверяют все автобусы. Совсем затравили! Если мы не купим клюкву – ему край.

Мы клюкву купили, а кроме того Марина покормила его кашей, напоила чаем, засунула ему с собой еще и банку свиной тушенки, и я перевез уже в темноте Сашу – так звали парня – в зареку, чтобы он смог пройти до Гиреки и, миновав милицейские кордоны, утром сестрь там на автобус на Петрозаводск.

Утром мы, как и планировали, поехали с приехавшим из Курвошей Анатолием Стерликовым в Жабенец, но не доехали, остановились у Арси, пособирали здесь клюкву и в тот же день вернулись назад.

Дома нас ждал сюрприз.

В нашем дворе на скамейке спал Саша. Рядом со скамейкой валялась пустая бутылка и наполовину выеденная банка свиной тушенки.

– Я думал, что вы уехали... – невозмутимо сказал Саша, когда мы разбудили его. – Можно я переночую у вас?

– Тебя же милиция ищет...

– Нет... Они уже нашли того мужика, вину которого на меня хотели повесить...

Все это: и про мужика, и про неожиданную реабилитацию самого Саши было так темно и смутно, что я поспешил отделаться от него. Сказал, что ко мне приятель приехал, негде мне еще одного человека селить.

– А я на кухне у вас посижу!

– Нет-нет... – решительно сказал я. – Мы завтра опять за клюквой с утра собираемся ехать, так что нам отдыхать надо.

Насилу выгнал его, но утром, когда садились в моторку, Саша появился снова.

– Может быть, вы меня тоже за клюквой возьмете... – попросил он. – А я не просто так. Я бутылку спирта купил. Выпьем вместе.

Не в спирте дело, но я подумал, что, пожалуй, Сашу придется взять с собою. Во-первых, все-таки клюкву собирать, это уж точно честный заработок, а во-вторых, если Саша и замышлял вчера нехорошее, то зачем же его снова оставлять возле нашего пустого дома?

Поэтому, несмотря на угрюмое молчание Стерликова, несмотря на недоумевающие гримасы Марины, я велел Саше садиться в лодку.

И опять я просчитался.

Видимо, план у Саши был такой: когда мы отойдем от берега, он отстанет от нас на болоте, а потом незаметно вернется назад, и пока мы будем спокойно собирать клюкву, угонит моторку, а когда нам удастся-таки добраться до поселка, он будет уже далеко.

Просчет же заключался в том, что ни Марина, ни Стерликов, хотя и собирали клюкву, не теряли из виду и Саши. И, когда он направился к моторке, Марина сразу окликнула меня, и мы с Толей двинулись наперерез злодею.

Несколько раз повторял Саша свой маневр, но мы с Мариной уже не отходили от берега.

Когда собирались назад, у Саши клюквы оказалось меньше всех.

– Ты и пешком с такой ношей дойдешь... – сказал по-казачьи человеколюбивый Стерликов.

– А что я, что я... – заныл Саша. – Вы что, думаете, что я лодку хотел украсть, да?! Да вы, – это он адресовался ко мне, – думаете, я не мог этого сделать, когда вы меня на тот берег ночью перевозили?

Такая наглость всегда обезоруживает.

Наверное, Толя был прав, и следовало бросить этого прохвоста, предоставив ему возможность испытать ту участь, которую он готовил для нас, и самому выбираться с болота... Но, с другой стороны, хотя я и кипел от злости, я понимал, что все наши обвинения базируются на наших подозрениях, а не на доказательствах.

И так муторно на душе было, что я зачем-то еще и спирта выпил, когда мы грузились, и потом пьяный вел по ночной реке моторку и чуть не налетел на движущийся без огней паром.

Сегодня днем Стерликов упаковал свою клюкву

и уехал в Курвоши. Мы же весь день возились с клюквой и уже в темноте пошли к Нине смотреть «600 секунд».

И не очень-то задержались там, но, когда я подошел к калитке между нашими дворами, у нас дома уже хозяйничали. Это понятно было по блуждающим в темных окнах огонькам фонарика, по непривычным для нашего дома звукам.

Совершенно не задумываясь, я схватил прислоненный к поленнице дров обломок прясла и вскинул его над головой. И, должно быть, на просвет такой страшный вид был у меня, что не выдержали воры и с позором бежали, оставив нам трофеи: солдатскую куртку, весла, полотенце, недопитую бутылку водки... Все это было брошено ими на скамеечке под окнами, где, очевидно, и поджидали они, должно быть, нашего ухода.

Украли они у нас, как мы выяснили, тушенку и сигареты.

Я долго хохотал, когда выяснилось, что пропало, а что захвачено нами в плен.

Впрочем, на этом история не закончилась.

Часа через два, когда я вставлял выданное на летней кухне окно, а Нина с Мариной сидели на кухне, раздался осторожный стук в дверь.

Прихватив стоящую у плиты кочергу, я пошел открывать.

На пороге стоял дрожащий от холода Саша.

– Я... – шмыгнув носом, сказал он, – я куртку у вас позабыл... Отдайте, пожалуйста. Холодно ведь...

– Ты украденное верни назад, а потом уже о куртке поговорим! – выматерившись, сказал я.

– Не брал я вашей тушенки!

Очень мне хотелось врезать кочергой, но меня опередила выскочившая на веранду Марина.

– Сволочь! – закричала она, схватив Сашу за грудки. – Я же тебя, сволоча, кашей кормила!

И кочерги моей, кажется, не испугался Саша, а сейчас – я ясно видел это! – ему стало страшно. Он рванулся из Марининых рук и пропал в сентябрьской темени.

Больше его мы уже не видели.

17 сентября 1993 года, Вознесенье

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ И ЕГОР ГАЙДАР

Ничего не пишу.

Все еще нахожусь под впечатлением от кражи.

В Москве тоже происходит что-то немислимое...

Борис Николаевич Ельцин, приехав в дивизию имени Феликса Дзержинского, объявил о возвращении на пост первого вице-премьера Егора Тимуровича Гайдара.

И не то дивно, что Олега Ивановича Лобова

пришлось снять с этой должности, а то, что объявление это Борис Николаевич в дивизии Дзержинского сделал. Этакая ведь глубинная взаимосвязь между Егором Тимуровичем и Феликсом Эдмундовичем выявилась.

Пакуем с Мариной сделанные заготовки.

Надо возвращаться в Питер.

19 сентября 1993 года, Вознесенье

КЛЮКВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Сегодня ездили с Ниной за клюквой. Только вернулись, она приходит и говорит: по телевизору выступает Ельцин.

Включили радио.

Действительно, передают указ Президента РФ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». На первом этапе реформы распускается Верховный Совет и Съезд народных депутатов.

В августе 1991 года мы тоже слушали, вернувшись с болота, радио...

Мы перебирали с женой бруснику, а в приемнике задыхались от восторга голоса комментаторов радиостанции «Свобода»...

Кажется, к двум часам ночи возникло тогда ощущение, что слушаешь постановку заранее отрепетированной пьесы. Уж больно ловко чередовались нагнетание страха: «Танки! К Белому дому идут колонны танков!» – со слабыми поначалу проблесками надежды: «Нам передали – колонна танков остановлена на Садовом кольце!» – и тут же, сразу же: «Танки! Танки!! Танки!!!» И даже как будто и грохот гусениц, словно уже в коридор Белого дома въехали гэкачепистские танки...

И вот нынешний сентябрь. И снова переворот...

Только нынче мы перебираем не бруснику, а клюкву, и по радио тоже – развесистая клюква.

Отстраненный за «взаимные обвинения в коррупции» Владимир Филиппович Шумейко заявил, что депутаты в Белом доме находятся в «самоосаде», так как никто их там осаждать или штурмовать не собирается.

Этакий клюквенный переворот в Москве.

21 сентября 1993 года, Вознесенье

НЕНАПИСАННЫЙ РОМАН

Кое-как добрались до Питера, разобрали коробки с заготовками, и сразу – после реки, после леса это было особенно заметно! – какой-то подловатой духотой навалились городские заботы.

Ходил в «Народную правду», помогал таскать мебель – редакцию выживают из Смольного.

Вечером правил для Москвы «Гибель красных Моисеев». Такое впечатление, что происходящие

сейчас в Кремле и у Белого дома события тоже вливаются в текст повести, как и те сведения, что я добывал в архивах.

Как страшно, если авантюра Ельцина удастся!

Всё – я это описывал в «Гибели красных Моисеев» – идет, как в 1918 году. Снова наши интернационалисты готовят для России казнь...

Только закончил правку «Гибели красных Моисеев», как позвонил Виктор Антонов, попросил, чтобы я выступил на митинге.

Ну какой я оратор? Да к тому же и в Москву уезжаю...

А ночью снился роман, который я будто бы пишу.

Роман очень большой, эпический, и в нем из поколения в поколение описано, как появились мы, погубившие Россию.

Но главное, что писался этот роман без моего обычного эпатажа. Персонажи выписывались с какой-то необыкновенной любовью, и они как бы переносили в роман всю мою главную жизнь, так, чтобы здесь осталось совсем немного, несущественно мало от меня!

Проснувшись, долго вспоминал, кто я...

25 сентября 1993 года, Санкт-Петербург

БЫВШИЕ ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

Увы-увы...

Такие шедевры сочинялись в августе 1991 года, а нынче мастера театральных постановок с радиостанции «Свобода» не радуют нас своими спектаклями. Как-то вызывающе неумело ведут они репортажи из сентября 1993 года.

Кто-то что-то говорит, но все – не о главном, не о том, что хочется узнать.

И совсем уже странно – репортажи ведутся не из Дома Советов в Москве, а из Белого дома в Вашингтоне, словно оценка президентом Клинтонем ситуации в России и является самым главным событием во всем происходящем сейчас.

Об этом замалчивании событий и откровенной и наглой дезинформации не стоило бы и говорить, но то, как охотно включились в эту кампанию лжи русскоязычные деятели литературы, искусства, науки, меня, откровенно говоря, удивляет.

Ведь эти люди еще в незапамятные времена сделали порядочность как бы своей второй профессией и с помощью именно этой «порядочности» выжимали для себя все мыслимые и немыслимые материальные дивиденды. А теперь они, подобно уже давно изолгавшимся теледикторам, кажется, даже и не задумываются, порядочно ли поддерживать человека, задумавшего ради спасения своего ближайшего окружения установить в стране диктаторский режим.

Видит Бог, никогда не обольщался я насчет деятелей, провозглашенных нашими демократами, духовными светочами, но всё же их поведение в нынешнем сентябре поражает каким-то запретным бесстыдством.

Но то, что с совестью у наших официальных столпов порядочности особые отношения, это совершенно определено. Это, как недавно выразился мой бывший приятель, «Есть вещи и поважнее порядочности...»

Увы...

26 сентября 1993 года, Санкт-Петербург

МЫ И ДЕМОКРАТЫ

В половине шестого утра разбудил звонок Станислава Золотцева из Москвы.

– Начался штурм! – хриплым голосом сообщил он.

– Какой штурм...

– Белого дома. ОМОН пошел!

Встал.

Включили с Мариной радио, чтобы послушать, что говорят о штурме. По радио о штурме ничего не говорили.

Хотел позвонить, но кому звонить в Санкт-Петербурге?

Позвонил Олегу Чупрову, Коле Федорову...

Наконец по радио сообщили, что, выступая перед журналистами, помощник Александра Владимировича Руцкого сказал, будто опасность штурма Белого дома миновала.

Вроде и успокоиться можно, что не надо больше никому звонить, но от этой мысли как-то еще тревожнее стало...

В этом, конечно, существенное отличие нас, русских, от демократов. Те бы, конечно, звонили бы без перерыва. И вот мы так долго хвалились, что овладели технологией делания истории, что и сами уверились в этом. Но все это на словах, а на практике – мы не умеем делать того, что так легко умеют делать они.

Мы морально не способны на это.

Мы можем только теоретизировать.

27 сентября 1993 года, Санкт-Петербург

МОСКОВСКИЙ КОКТЕЙЛЬ

Приехал в Москву. Получил деньги в журнале «Молодая гвардия», оставил первый экземпляр «Гибели красных Моисеев».

Потом поехал в «Континент». Взял 75-й выпуск журнала со своими рассказами «Накануне, или Сны непозабываемые».

Потом ездил в «Литературную Россию» и «Наш современник».

Везде – херес, мадера, коньяк, спирт, пиво – выпивка и разговоры.

Говорят о том, что запрещено принимать телеграммы в поддержку Верховного Совета, что Павел Грачев отозвал свое интервью из «Московских новостей», в котором гарантировал неучастие армии в ликвидации Верховного Совета.

Но одновременно проходит встреча Патриарха Алексия II и митрополита Кирилла с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным.

Такой вот московский коктейль...

29 сентября 1993 года, Москва

ДУХОВНЫЕ ОМОНОВЦЫ

Утром проснулся у Саши Борисова.

Попил с ним кофе и поехал по делам.

Зачем-то купил в ларьке литровую бутылку спирта «Ройяль» и с нею ездил в «Палею», где забрал стопку книжек Василия Ивановича Бережкова, с бутылкой заезжал во «Встречу», потом – в Московское правление.

Везде угощал спиртом желающих, но в бутылке почему-то не убывало.

Заехал на вокзал, купил билет и, поскольку времени до поезда оставалось еще много, отправился к Белому дому.

Было 30 сентября. Уже наступил вечер...

Первый раз у меня проверили документы, когда я выходил из метро «Баррикадная».

Первый раз обыскали меня, когда я прошел через подземный переход...

Потом обыскивали еще два раза и трижды проверяли документы, но до Дома Советов я так и не добрался.

– И чего тебя принесло сюда! – с сожалением, возвращая мне газетное удостоверение, спросил омоновец с лицом, так удивительно похожим на лицо Ростроповича, что я бы за господина виолончелиста и принял его, если бы не возраст. Слишком молод был омоновец, чтобы быть Ростроповичем. Слишком вальяжен был Ростропович, чтобы встать в омоновскую цепь.

– А тебе здесь чего надо? – поинтересовался я в ответ, и омоновец уже схватился за дубинку, но стоящий рядом офицер удержал его.

– Дальше нельзя идти, – буркнул он мне.

Я отошел.

– Известно, что им надо... – проговорил стоящий рядом мужчина из толпы. – Им Лужков с Ельциным по двенадцать долларов платят за каждый день.

– За каждый час... – поправили его.

Омоновец с лицом Ростроповича слышал это, но – странно! – никакой злобы не выказал. Напротив, появилась на его лице снисходительная улыбка человека, сумевшего хорошо устроиться в жизни.

Вместе с омоновцами, прикрываясь щитами, сто-

яли и солдаты-срочники из дивизии Ф.Э. Дзержинского. Точно так же, как омоновцы, они были экипированы щитами и касками, но лица были помоложе, не испорченными ни злобой, ни долларами. Один из солдатиков жевал жвачку, выдувая изо рта белые пузыри, и как бы всем своим видом показывал, что не имеет никакого отношения к происходящему.

Было около одиннадцати часов вечера.

Около оцепления с внешней стороны, где находился и я, народ толпился так густо, что можно было подумать – здесь идет народное гулянье.

Работали ларьки, работали уличные кафе со столиками, стоящими прямо на улице.

Я хотел поискать писателей, но тут случилось что-то странное.

Забегали офицеры, зашевелились ряды со щитами.

Потом омоновцы начали уходить.

Они шли в темноте молча, плотно, зло. Громыхали щиты, шаркали сапоги по асфальту. В неверном, редком свете, озаряющем переулок, мелькали лица.

И, может быть, это свет фонарей так ложился на них, а может быть, сожаления о потерянных двенадцати (или скольких там?) долларах искажали лица, но порою их сводило такой гримасой злобы, что они становились похожими на лица обитателей телевизионных экранов.

Жутковатым и страшным было это шествие...

Мы еще не знали тогда, что это Совет Федераций предъявил ультиматум Б.Н. Ельцину, мы еще не догадывались, какую провокацию готовят нам духовные омоновцы, чтобы в крови утопить свободу и надежду России на лучшее, чем Гайдар и Ельцин, будущее.

30 сентября 1993 года, Москва

ВКЛЮЧЕННОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Вернулся в Санкт-Петербург.

По телевизору передают, что на переговоры в Свято-Данилов монастырь прибыл Святейший Патриарх Алексий II, митрополит Ювеналий, митрополит Кирилл, Сергей Филатов, Олег Сосковец, Юрий Лужков, Рамазан Абдулатипов. Достигнута договоренность, что в Белом доме будет включено электричество.

В Кремле министру внутренних дел России Виктору Ерину присвоено звание генерала армии.

Вечером поехал в Союз писателей на бюро Исторического общества.

Там подъем по поводу включенного в Белом доме электричества.

Виктор Антонов предложил мне поехать на съезд патриотических сил в Воронеж 15-16 октября.

– А как поедем, за свой счет?
– Я думаю, что этот вопрос будет решен... – важно ответил Антонов.

1 октября 1993 года, Санкт-Петербург

ПОГРУЖЕНИЕ В ТЕМНОТУ

Только сел с утра поработать, как появился Глеб Яковлевич Горбовский.

Следом за ним пришел Василий Иванович Бережков за своими книжками.

Смотрели новости.

В Москве на Садовом кольце у Арбата стихийный митинг, баррикады...

Когда участок Садового кольца от гастронома «Смоленский» до Калининского проспекта демонстрантам удалось очистить от милиции, пошли с Бережковым провожать Горбовского в Комарово.

Уезжал он с Удельной, там и простились.

И так темно было вокруг, что потерял я Бережкова, вернулся домой, когда уже передавали по телевизору, что депутаты Верховного Совета, снижая противостояние, увели народ с Садового кольца.

И хоть и люстра включена была в комнате, а еще темнее стало, чем возле Удельной.

2 октября 1993 года, Санкт-Петербург

3 ОКТАБРЯ 1993 ГОДА

Так чудно, так значительно, как в древнерусском предании, начался этот день...

Перенесли из Третьяковской галереи в Богоявленский собор Кремля чудотворную икону Владимирской Божией Матери.

По благословию Патриарха Алексия II прошло: «Господи Боже Спасителю наш!.. Отступихом от Тебе, Владыко, и заповедей Твоих не соблюдадохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, Сего ради нестроением поразил еси нас, и дал еси нас на поправление врагом нашим... Боже великий и дивный... Небесную Твою силу с небесе ниспосли, уврачуй язвы душ наших, и воздвигни нас от одра болезни, яко наполнишася расслабления чресла наша, яко болим неправдою и рождаем беззаконие. Утоли шатания и раздоры в земле нашей... Попали в сердцах наших всяку нечистоту, вражду и злобу, да паки все возлюбим друг друга и едино пребудем в Тебе, Господе и Владыце нашем, якоже повелел еси и заповедал еси нам»... – чтение молитвы, составленной еще в 1917 году патриархом Тихоном.

А потом началась демонстрация и побежала милиция из района метро «Баррикадная».

Потеряла управление дивизия имени Феликса Дзержинского.

Демонстранты прорвались к Белому дому, и здесь зашумел митинг, а по всей стране распрост-

ранились слухи, что Борис Николаевич Ельцин бежал из столицы...

Провокаторы попытались стрелять по участникам митинга из мэрии и гостиницы «Мир», но восставшие единым приступом взяли мэрию, и стрельба прекратилась.

А потом что-то переломилось.

То ли силы приспешников Ельцина совершили это, то ли сами руководители обороны Белого дома. Вернее, они сообща переломили тот чистый, тот всепобеждающий порыв народного духа, который вдруг возник на улицах Москвы.

Вице-президент Руцкой более, чем своими че-моданами компромата, знаменитый помощью, оказанной Ельцину при захвате власти в 1991 году, призвал демонстрантов идти на Останкино. Генерал Макашов, вместо того чтобы организовать захват телецентра, начал вести с его руководителями переговоры о предоставлении эфира.

И слились эти истерические призывы Руцкого, эта болтовня Макашова со шквальным огнем БТРов, расстреливающих демонстрантов...

И погасли в этом грохоте чистые слова молитвы...

Как потом выяснится, пока шло телешоу из запасной студии на Шаболовке, подручным Ельцина удалось сговориться с командованием Таманской дивизии об оплате за расстрел Белого дома...

3 октября 1993 года, Санкт-Петербург

СВОБОДА, УТОПЛЕННАЯ В КРОВИ

В девять часов утра по телевизору передали выступление Ельцина. Он заявил, что «происходящие события в Москве – это запланированный переворот... Генеральная прокуратура получила указание возбудить уголовные дела против преступников. Вооружённый мятеж будет подавлен в кратчайшие сроки».

Через несколько минут после выступления Ельцина танки Т-80, выстроившиеся на Калининском мосту, начали палить по верхним этажам Белого дома.

По телевизору – все это демонстрировалось в прямом эфире! – выметнулись из окон языки пламени.

Жутко было то, что происходило сейчас у Белого дома в Москве. Еще жутче – то, что происходило в России, прильнувшей к экранам телевизоров. Эта прямая трансляция сокрушительнее, чем снаряды, выпущенные по Белому дому, била по сознанию миллионов россиян, вынуждая их покориться беспощадному режиму.

Быстро написал статью «Свобода, утопленная в крови» и повез ее в «Народную правду», однако в редакцию, хотя я и предупредил, что привезу статью, меня не пустили.

После долгих переговоров по внутреннему телефону за статьей вышла наша бухгалтерша, вынесла мне полиэтиленовый мешок мелких купюр и объяснила, что в Смольный сотрудников газеты больше пускать не будут.

С этими деньгами – кажется, мне собрали месячную выручку от торгующих в розницу распространителей газеты – и вернулся домой.

Снова включил телевизор.

Там – продолжающее прямую трансляцию расстрела Белого дома истерическое, картавящее торжество демократической публики. Такое ощущение, что все пространство вокруг телевизора залито ядом.

А на улицах Москвы все еще гибнут русские люди...

4 октября 1993 года, Санкт-Петербург

ИМЕНА В ЧЕРНОЙ КОПОТИ

Безумие продолжается.

Символ этих дней – обугленный Белый дом. Наверное, он станет символом всего правления Ельцина, всей демократии, установленной два года назад.

Закрываются все русские газеты, в которых я печатался, а в проельцинских изданиях – одна только злоба и ненависть.

В «Известиях» напечатано письмо «Писатели требуют от правительства решительных действий»:

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября... Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми... Но... хватит!.. Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали... Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента... Органы печати... такие как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», а также телепрограмма «600 секунд» и ряд других, должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты... Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд)... История еще раз предоставила нам шанс... Не упустим же...»

Под этим письмом подписи Алеся Адамовича, Виктора Астафьева, Беллы Ахмадулиной, Григория Бакланова, Василя Быкова, Бориса Васильева, Даниила Гранина, Михаила Дудина, Александра Кушнера, академика Д.С. Лихачева, Булата Окуджавы, Анатолия Приставкина, Михаила Чулаки и многих других...

Что ж...

Совсем недавно еще многие из них ходили в дис-

сидентах и борцах с КГБ, вчера еще горестно оплакивали они бедных грузин, убитых саперными лопатками, а сегодня восхваляют ОМОН, расстреливающий безоружных москвичей, и словно бы и не замечают, что черная копоть расстрелянного парламента густо-густо ложится на их так старательно сберегаемые в своей незапятнанности имена.

5 октября 1993 года, Санкт-Петербург

НАРВЫ,

ПОСЛЕ КОТОРЫХ НЕ БЫВАЕТ ПОЛТАВ

Вечером позвонил Виктор Антонов.

Долго рассказывал о русском сопротивлении, говорил о каком-то генерале, на которого сейчас многие возлагают надежды.

– Это была Нарва... – сказал он. – А впереди еще Полтава!

Я сказал, что бывают Нарвы, после которых никаких Полтав уже не может быть.

Антонов задумался, потом сказал, что съезд в Воронеже, на который он приглашал и меня, отменен.

Такой вот разговор по телефону у нас получился.

8 октября 1993 года, Санкт-Петербург

ДЕМОКРАТИЯ ОМОНА

Президентским указом чрезвычайное положение в Москве продлено до 18 октября.

Запрещены газеты и партии.

Запрещено всё, кроме ОМОНа и демократов. Впрочем, сейчас это одно и то же.

Конечно, всё это точь-в-точь напоминает восемнадцатый год, когда к власти тоже прорвались большевики-интернационалисты, но история не повторяется, у большевиков кроме наглости и хитрости всё-таки была идея, которой они сплотили массы и сумели увлечь народ.

А разве можно сплотить Россию только на идее ненависти ко всему русскому?

К тому же и нынешний ОМОН – это все-таки не латышские стрелки.

9 октября 1993 года, Санкт-Петербург

ВЫПОРОТЫЕ

Сегодня выбирали председателя нашей писательской организации.

Выдвигали и меня, я отказывался, но все равно голосовали, и только когда я объяснил, что все равно не смогу работать без зарплаты, выбрали Ивана Ивановича Сабилу.

Вечером включил телевизор.

Какой-то театральный деятель рассуждал там, дескать, Василия Белова или Валентина Распутина он может себе представить выпоротыми, а вот Владимира Набокова или Ивана Бунина нет. При этом

подразумевалось, что самого себя этот деятель относит как раз к компании Бунина и Набокова.

Я телевизор, конечно, выключил, а сам подумал, что тоже никак не могу себе представить Александра Блока, суетящегося с долларами.

А нынешние деятели?

Да ведь без хлопот о валюте ничего и не останется от теперешней передовой интеллигенции, которая по-прежнему не понимает еще, как она сама себя выпорола.

19 октября 1993 года, Санкт-Петербург

«ВЛАСОВ ДО ВЛАСОВА»

Как-то сами собою соединились документы, с которыми я работал весной, придумывая для Алексея Александровича Салтыкова сценарий. И пошла, пошла повесть, которую можно будет называть «Власов до Власова».

Сегодня Борис Николаевич Ельцин объявил, что досрочных выборов президента не будет.

6 ноября 1993 года, Санкт-Петербург

ЭКСПЕРТ ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Утром разбудил звонок Жени Лукина – «Горит Дом писателя!»

Впрочем, дворец загорелся еще ночью. Всю ночь качали воду из Невы, заливая белый зал, библиотеку, гостиные...

К утру, когда позвонил Женя, прогорела крыша и пожар наконец-то потушили.

Весь день писал повесть «Власов до Власова».

В четыре часа дня пошел с Василием Ивановичем Бережковым, который решил меня устроить на работу в страховую компанию «Гарантия».

Пили с президентом компании виски и говорили.

Кое-что новое узнал я из этой беседы.

Например, то, что название моей будущей должности – эксперт по художественным ценностям.

17 ноября 1993 года, Санкт-Петербург

СГОРЕВШИЙ ДОМ

С утра писал повесть «Власов до Власова».

Потом пошли с Сергеем Носовым посмотреть, что осталось от Дома писателя.

Здание прогорело в дворцовой части весьма основательно.

Сгорели гостиные, сгорела бесценная библиотека, сгорел Большой белый зал... Сквозь прогоревшую, рухнувшую кровлю, медленно кружась, падают на пепелище снежинки.

С этим Белым залом, с этим Домом связаны судьбы многих поколений ленинградских литераторов.

В тридцатые здесь гремели речи, после которых писатели уходили на расстрел.

После войны здесь громили Михаила Зощенко и Анну Ахматову.

В этом зале совсем еще недавно, обличая минувшие десятилетия, раздували писатели-апрелевцы угольки того костра, в котором предстояло сгореть всему нашему государству.

И вот теперь осталось только пожарище...

Это – метафора нашего времени.

Пытаясь очистить наш Дом, мы сожгли Дом, в котором звучали голоса великих писателей, Дом, в котором обрели первое признание столько молодых талантов...

Невыразимо грустно было стоять на пепелище, слушая, как совсем рядом бушует другой, незримый, пожар, грозящий поглотить всю нашу страну.

Из разбитого окна на втором этаже свешивался край превратившейся в кусок льда занавески...

19 ноября 1993 года, Санкт-Петербург

АРИФМЕТИКА ЕЛЬЦИНА И ГАЙДАРА

Один ваучер на СПб бирже стоит от 4000 до 6000 рублей.

Один доллар США стоит 360 рублей.

Рабочий средней квалификации получает в США около пятнадцати долларов в час, или, если переводить на наши деньги, 5 400 рублей.

Так – на уровне часовой оплаты американского рабочего – правительство Ельцина оценило долю своих соотечественников в национальном богатстве России.

Всё то, что сами создали, что создавали наши отцы, деды и прадеды, по подсчетам Чубайса, средний американец может заработать за час...

25 ноября 1993 года, Санкт-Петербург

КОЗЛЫ

На первый взгляд может показаться, что здесь, в подмосковном Переделкино, ничего не изменилось.

Мягкий пушистый снег. Из-за темных елей приветливо светятся навстречу окна, белеют колонны у входа в старый корпус, похожий на старинный особняк...

Только машин на территории Дома творчества стало побольше да народ другой теперь тут.

Помоложе, побогаче одетый или, как нынче выражаются, упакованный... Это не писатели, это те, за счет кого и выживает в условиях рынка Переделкино, – дельцы, торгаши...

Ну, и разговоры в коридорах Дома творчества, в аллеях старинного парка, конечно, тоже другие.

Мой номер рядом с баром, и я каждый вечер слышу разговоры новых хозяев Переделкино.

– Эй, ты! – звучит под окном. – Куда побежал, козёл?!

– Фильтруй базар, урод!

– Понты гнешь, козлина?!

И длится, длится эта беседа, перемежаемая матерщиной, сопением и чавкающими – это когда бьют кулаком по лицу – звуками...

А потом снова: «У-у, козлы! Козлы все!» – не понятно, к кому обращенный голос.

Утром же подойдешь к окну – пушистый снег затоптан, повсюду, словно курицу резали, капельки крови...

И в столовой за завтраком писатели притихшие, приплюснутые.

– Местные, что ли, вчера дрались? – спрашиваю у дежурной.

– Нет! – отвечает та. – Кормильцы наши – новые русские.

Ну, если кормильцы, тогда что ж... Никуда не денешься тогда. Это раньше мы глупые были, воров да спекулянтов поругивали, а теперь, оказывается, только возле них и можно с голоду не пропасть, только около них и можно как-то пристроиться.

Конечно, не всем это нравится, но за это ведь и боролись многие мастера культуры и в августе 91-го, и в октябре 93-го... Сейчас эта интеллигенция растеряна, не понимает, что происходит, потому что ей, сокрушившей прежнюю власть, новая власть ничего не платит и не собирается платить.

Взял в библиотеке томик Пастернака, сел у окна, и сразу открылась книга на стихах про Переделкино:

Навстречу мне на переезде

Вставали ветлы пустыря.

Надмирно высились созвездья

В холодной яме января...

Но не читалось.

Ни про оглушенный виадук не читалось, ни про пассажиров утреннего поезда, в которых не было следов холопства, которые кладет нужда...

Глаза сами поднимались к окну, за которым серел затоптанный снег, снова вспоминался вчерашний, неведомо к кому обращенный крик: «У-у, козлы! Козлы все!» – и не о поэзии думалось, а копошилась в мозгу одна лишь приплюснутая мышка: «Козлы... Действительно, козлы мы...»

8 декабря 1993 года, Переделкино

ТУРЕЦКИЙ СОН

Странные снятся последнее время сны.

Вот вчера сам Владимир Вольфович Жириновский приснился...

Долго он рассказывал чего-то, но чего? – невоз-

можно понять было, потому что по-турецки говорил Владимир Вольфович.

А вот Борис Николаевич Ельцин, который тут же сидел, важно кивал, словно он тоже турецкий язык выучил или, может быть, просто ему казалось, что он все понимает.

Такой вот, тревожный и непонятный, весь как будто на турецком языке сон накануне выборов приснился...

К чему бы?

11 декабря 1993 года, Переделкино

В ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Закончил рассказ «Сникерсы».

Потом проголосовал и после обеда поехал в Москву.

Ходили с Николаем Ивановичем Горбачевым к Белому дому.

Вид у Николая Ивановича неважный. Сказал, что нелады в семье. Николай Иванович Белый дом защищал, а его зять – Гайдара.

Белый дом стоит затянутый полиэтиленом, словно саваном.

На постаменте памятные слова: «Мы отомстим». Забор вокруг стадиона тоже весь в надписях: «Ельцин – убийца!»

Кое-где в снегу горят свечи.

Николай Иванович сказал, что на этом стадионе омовцы расстреливали захваченных казаков.

Женщина – видимо, какой-то начальничек на стадионе – принялась было ругаться, дескать, надоело, уже полтора месяца ходят, трупы ищут!

Наверное, женщине в самом деле все надоело, но увидела она лицо Николая Ивановича и отошла подобру-поздорову.

К вечеру, уже в сумерках, на стадионе начал собираться народ.

Художник Андрей, приятель Горбачева по баррикаде, рассказал, как по их баррикаде стреляли снайперы из американского посольства.

– А откуда эти снайперы взялись?

– Не все ли равно! – сказал Николай Иванович. – Теперь в нашей стране американцы все что хотят могут делать.

12 декабря 1993 года, Переделкино

ПРИГОВОР

Центральная избирательная комиссия подвела итоги голосования по проекту ельцинской Конституции. «За» проголосовали 32 937 630 избирателей, «против» – 23 431 533 избирателя.

Менее чем пятой частью населения нашей страны принята Конституция, которую правильнее будет называть не Основным законом нашей страны, а приговором нашей стране.

Ездил в «Роман-газету», взял 15 номеров со своей повестью «Путник на краю поля».

Потом посидел в ЦДЛ с Александром Бобровым, который обещает издать повесть про Рубцова отдельной книгой.

Джохар Мусаевич Дудаев «присвоил» Руслану Имрановичу Хасбулатову чеченское гражданство.

20 декабря 1993 года, Переделкино

*Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,*

*Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.*

*Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней,
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал...*

С этими «Соловьями» и вошел Михаил Дудин в советскую поэзию, а с чем уходил? С письмом в «Известиях»?

31 декабря 1993 года, Санкт-Петербург

НА СМЕРТЬ ПОДПИСАНТА

Умер поэт-подписант Михаил Дудин.

В 1942 году он был фронтовиком, и тогда им были написаны пронзительные «Соловьи»:

*Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал –
Товарищ мой из пулеметной роты.*

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

